

Сереста Инг

Пропавшие
наши
сердца

НЕВОЗМОЖНО
ОТОРВАТЬСЯ.
СТИВЕН КИНГ

Селеста Инг

Пропавшие наши сердца

«Фантом Пресс»

2022

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Инг С.

Пропавшие наши сердца / С. Инг — «Фантом Пресс», 2022

ISBN 978-5-86471-952-7

Автор двух мировых бестселлеров «Все, чего я не сказала» и «И повсюду тлеют пожары», не изменяя своему психологическому стилю, ступает на новую для себя жанровую территорию. Роман о материнской любви в мире, который поработен страхом. Двенадцатилетний Чиж ведет тихую жизнь с любящим, но сломленным отцом, бывшим лингвистом, который теперь работает библиотекарем. Чиж знает, что нельзя задавать вопросы, нельзя выделяться, нельзя уходить далеко от дома. Последние годы их жизнь подчинена законам, призванным сохранить традиционные ценности. Новые законы позволяют властям забирать у оппозиционно настроенных родителей детей, из библиотек и книжных магазинов изымаются книги, считающиеся непатриотичными. Среди них и книжка стихов матери Чижа. Мать исчезла, когда Чиж было девять лет. Однажды Чиж получает загадочное письмо, в котором только странные рисунки, и отправляется на поиски матери. Его путешествие станет возвращением к сказкам и историям, которые мать когда-то успела ему прочитать и которые он забыл. Новый роман Селесты Инг – история о том, что можно выжить даже в переломанном и искореженном мире, если сердце твое уцелело.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-86471-952-7

© Инг С., 2022

© Фантом Пресс, 2022

Содержание

I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Селеста Инг

Пропавшие наши сердца

Посвящается моим родным

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде...

Как-то раз кто-то «опознал» меня. Стоящая передо мной женщина с голубыми губами, Которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего Имени, очнувшись от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать?

И я сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

Анна Ахматова, «Реквием», 1935–1940

Но ПАКТ – это не просто закон. Это наше обещание друг другу: обещание отстаивать наши американские идеалы и ценности; обещание неминуемых последствий для тех, чьи антиамериканские идеи расширяют страну.

Из руководства для юных патриотов «Что такое ПАКТ»

OUR MISSING HEARTS by CELESTE NG

Copyright © 2022 by Celeste Ng

© Марина Извекова, перевод, 2023

© «Фантом Пресс», издание, 2023

I

Письмо приходит в пятницу, вскрытое и запечатанное самоклеякой, как все адресованные им письма: *Проверено в целях вашей безопасности – ПАКТ*. На почте не сразу разобрались, в чем дело: служащий развернул листок, просмотрел, передал контролеру, а тот – начальнику почтового отделения. Но в итоге его пропустили, сочтя безобидным. Обратного адреса нет, только нью-йоркский штемпель шестидневной давности. На конверте его имя, Чиж, – значит, письмо от матери.

Чижом его не называют уже давно.

Ему дали имя Ной, в честь дедушки со стороны отца – ему это когда-то рассказала мать, – а имя Чиж он себе придумал сам.

В слове этом ему всегда чудилось что-то очень близкое. Крылатое создание, кто-то маленький, шустрый. Непоседа-щебетун, всегда готовый оторваться от земли.

В школе на это смотрели косо, мол, Чиж – не имя, тебя зовут Ной. Воспитательница в детском саду возмущалась: зову его, а он будто не слышит, только на Чижа и откликается.

Потому что его так зовут, отвечала мать. Откликается на Чижа, вот и зовите его Чижом, и плевать на свидетельство о рождении. По каждой записке из школы она проходила с маркером – «Ноя» вычеркивала и писала «Чиж».

Такая была мать – самая ярая его защитница, всегда на его стороне.

В конце концов все смирились, но имя учительница с тех пор писала в кавычках, как бандитское прозвище: *Дорогой «Чиж», пусть мама подпишет согласие. Уважаемые мистер и миссис Гарднер, ваш «Чиж» – воспитанный и прилежный ребенок, но иногда витает в облаках*. И только в девять лет, когда мать ушла, он стал зваться Ноем.

Отец говорит, это к лучшему, и никому больше не позволяет его называть Чижом.

Если кто-то тебя так назовет, сразу поправь. Скажи: простите, вы ошиблись.

Не только это переменилось после ухода матери. Другая квартира, другая школа, другая работа у отца. Совсем другая жизнь, как будто отец решил полностью их преобразить, чтобы мать, если вернется, никогда их не нашла.

В прошлом году он как-то раз встретил по дороге домой свою бывшую воспитательницу. Ну, здравствуй, Ной, сказала она, как дела? – то ли свысока, то ли с жалостью.

Ему уже двенадцать; три года, как он стал Ноем, но имя Ной до сих пор для него точно карнавальная маска, неудобная, неприятная, и как носить ее, не знаешь.

И вот, словно с неба, письмо от матери. Почерк вроде бы ее – и Чижом его называет она одна. *Чиж*. После стольких лет он иногда забывает ее голос, пытается вызвать его в памяти, но голос ускользает тенью.

Дрожащими руками он открывает конверт. За три года ни слуху ни духу, зато теперь он наконец все поймет – почему она ушла, где пропадала.

А в письме ни слова, только рисунки. Весь лист, от края до края, изрисован кошками, каждая с мелкую монетку. Взрослые кошки и котята, полосатые и черепаховые, одни просто сидят, другие умываются, третьи нежатся на солнце. Совсем простенькие – таких ему рисовала когда-то мама на пакетах с завтраками, таких он рисует иногда в школьных тетрадках. Неза-

тейливые, но выразительные. Живые. И больше ничего – ни строчки, ни слова, только кошки, кошки, кошки, шариковой ручкой. Рисунки будят смутное воспоминание, но за него никак не ухватиться.

Он переворачивает листок, ища хоть какую-то зацепку, но на обратной стороне пусто.

Ты что-нибудь помнишь про свою мать? – спросила его однажды Сэди. Они были на игровой площадке перед школой, наверху лесенки, а возле их ног уходила вниз горка-труба. Пятый класс, последний год, когда на большой перемене выпускают на площадку. Всё здесь малышей, всё они уже переросли. Внизу, по ту сторону асфальта, гонялись друг за дружкой одноклассники: кто не спрятался, я не виноват!

На самом деле он много чего помнил, только ни с кем не хотел делиться, даже с Сэди. Сблизило их то, что оба остались без матери, но истории были у них разные. Одно дело мама Сэди, другое – его мама.

Почти ничего, ответил он, – а ты про свою?

Сэди схватилась за поручни горки, будто собиралась подтянуться.

Помню только, что моя мама герой, сказала она.

Чиж не ответил. Всем было известно, что отца и мать Сэди лишили родительских прав, так она попала в приемную семью и в эту школу. Каких только слухов про них не ходило – мол, мама у Сэди чернокожая, а отец белый, но оба китайские прихвостни, предатели Америки. Про Сэди тоже болтали всякое – дескать, когда за ней пришли полицейские, она одного укусила, завизжала и кинулась к родителям, пришлось ее уводить в наручниках. И это у нее уже не первая приемная семья, все от нее отказывались, никто с ней сладить не мог. И даже после того, как ее забрали, родители ее продолжают бороться против ПАКТа, будто им все равно, вернут им дочь или нет; кажется, их арестовали, держат где-то в тюрьме. Наверняка и о нем, о Чиже, ходят слухи, но знать он о них не хочет.

Вот подрасту, продолжала Сэди, поеду домой, в Балтимор, и найду маму с папой.

Она была на год старше Чижа, хоть и училась с ним в одном классе, и никогда не давала ему забыть, что она взрослее. Второгодница, шептались родители, когда приходили за детьми в школу, а всему виной воспитание, и даже новая жизнь ее уже не исправит.

Как ты их найдешь? – спросил Чиж.

Сэди промолчала и, выпустив поручень, плюхнулась возле ног Чижа маленьким дерзким комочком. А через год, как раз перед каникулами, Сэди пропала – и вот, в седьмом классе, Чиж снова один.

Начало шестого, скоро придет папа и, если увидит письмо, заставит сжечь. Они не хранят дома ничего из маминых вещей, даже одежды. После маминого ухода папа сжег в камине ее книги, разбил брошенный мобильник, а остальное сложил грудой перед домом. Не вспоминай о ней больше, сказал он тогда. К утру от вещей и следа не осталось – все растащили бездомные. А через несколько недель Чиж с папой переехали в квартиру при университете и ничего не взяли из старого дома, даже кровать оставили, потому что на ней спала мама. Теперь они спят на другой, двухэтажной, – папа внизу, Чиж наверху.

Лучше сжечь письмо самому. Все, что связано с мамой, хранить опасно. Мало того, когда он видит на конверте свое имя, свое прежнее имя, внутри словно приоткрывается дверца и оттуда сквозит. Порой он приглядывается к спящим на тротуаре бездомным, нет ли на ком из них маминых вещей. И, заметив что-то знакомое – шарф в горошек, блузку с красными цветами, фетровую шляпку, надвинутую на глаза, – в первый миг он думает: она. Нет, на самом деле даже проще, если она ушла навсегда, если она никогда не вернется.

Слышно, как с трудом ворочается в тугом замке папин ключ.

Чиж пулей летит в спальню и прячет письмо в наволочку.

Воспоминаний о маме у него не так уж много, но одно он помнит точно: у нее всегда был план. Она не стала бы просто так рисковать – искать их новый адрес, писать ему. Мамино письмо что-то да значит, в этом он уверяет себя снова и снова.

Она нас бросила – вот и все, что папа говорил.

И продолжал, опустившись на колени, чтобы заглянуть Чижу в глаза: это к лучшему. Забудь о ней. Я тебя никогда не брошу, и это главное.

Чиж тогда еще не знал, что она натворила. Лишь одно засело в памяти: в последние недели ему каждую ночь мешали уснуть приглушенные голоса родителей на кухне. Обычно их вечерние беседы убаюкивали, служили знаком, что все хорошо. А в те дни, напротив, их разговоры напоминали схватку: то папин голос, то мамин, напряженный, сквозь стиснутые зубы.

Даже тогда он понимал, что вопросов лучше не задавать, – просто кивал и грелся в папиных объятиях, теплых и надежных.

Лишь спустя время на школьной площадке ему бросили в лицо правду, точно камнем запустили; твоя мать предательница, сказал Ди-Джей Пирс и плюнул ему под ноги.

Всем было известно, что мама его – ЛАП, лицо азиатского происхождения. «Лапки куриные», дразнились ребята. Это не новость, по лицу Чижа все и так ясно – по несходству с отцом, по выступающим скулам, по разрезу глаз. Если ты ЛАП, постоянно напоминали власти, это само по себе не преступление. ПАКТ не имеет отношения к расе, он касается патриотизма и мировоззрения.

Но из-за твоей матери начались беспорядки, сказал Ди-Джей, мне родители говорили. Она антинародный элемент, и за ней охотились, вот она и сбежала.

Папа его предупреждал: всякое будут болтать, ну а ты не обращай внимания, твоя задача сейчас – учиться. Отвечай: у нас с ней ничего общего. Говори: мы ее вычеркнули из жизни.

Он и говорил.

У нас с ней ничего общего, ни у папы, ни у меня. Мы ее вычеркнули из жизни.

Сердце готово было разорваться. На асфальте блестел и пенился плевок Ди-Джея.

Когда возвращается папа, Чиж сидит за учебниками. В обычный день он бы вскочил, прижался к папиному боку, обнял. Сегодня, весь в мыслях о письме, он прячет взгляд, еще ниже склонившись над книгой.

Опять лифт сломался, говорит папа.

Живут они в одном из общежитий, на самом верху, на десятом этаже. Здание из тех, что поновее, но университет такой древний, что даже новые корпуса на самом деле не такие уж новые.

Мы старше американского государства, повторяет папа. Он говорит «мы», хоть сам в университете давно уже не преподает. Теперь он работает в университетской библиотеке – ведет каталоги, расставляет книги по полкам, – а квартира у них служебная. Спору нет, выгодно, ведь платят папе мало и нужно экономить, но для Чижа служебная квартира – довольно сомнительный плюс. Раньше у них был целый дом с садом, а теперь двухкомнатная конура: спальня на двоих и гостиная, где один угол отведен под кухню. Плитка с двумя конфорками; мини-холодильник, такой крохотный, что даже упаковка молока в нем не помещается стоймя. Соседи снизу – студенты – постоянно меняются, едва их запомнишь в лицо, а они уже съехали. Летом здесь духота, кондиционера нет; зимой батареи жарят на всю катушку. А когда капризный лифт отказывается работать, приходится бегать туда-сюда по лестнице.

Ну что ж, – папа ослабляет узел галстука, – скажу коменданту.

Чиж уткнулся в тетрадку, но чувствует, что папа на него смотрит, ждет, когда он поднимет глаза. Чиж не решается.

Сегодняшнее задание по английскому: *Дайте краткий ответ на вопрос: как расшифровывается «ПАКТ» и в чем его значение для национальной безопасности? Приведите три примера.* Чиж точно знает, какого ответа от него ждут, в школе им каждый год объясняют. Закон о Поддержке Американской Культуры и Традиций, так расшифровывается ПАКТ. В детском саду его называли клятвой: *Клянемся защищать американские ценности. Клянемся оберегать друг друга.* Каждый год они учат одно и то же, только формулировки все усложняются. Учителя на этих уроках многозначительно поглядывают на Чижа, следом оборачиваются и ребята.

Отложив сочинение, Чиж берется за математику. *Допустим, что ВВП Китая составляет 15 триллионов долларов и растет на 6 % в год. Если ВВП Америки равен 24 триллионам долларов, но рост составляет всего 2 % в год, через сколько лет Китай обгонит Америку?* С числами проще – всегда понятно, где правильно, а где ошибка.

Все хорошо, Ной? – спрашивает папа, и Чиж, кивнув, указывает на тетрадь: да, хорошо, просто задали много, и папа, вполне довольный ответом, уходит в спальню переодеваться.

Чиж сносит единицу, аккуратно обводит ответ. Нет смысла рассказывать папе, как прошел день, все дни у него одинаковые. Дорога в школу, всегда тем же маршрутом, линейка, гимн, переходы из класса в класс с опущенной головой, страх поднять руку. В удачные дни его не замечают, в обычные либо дразнят, либо жалеют. Неизвестно еще, что хуже, но и в том и в другом он винит маму.

Папу тоже нет смысла расспрашивать о новостях. Насколько знает Чиж, у папы что ни день, то одно и то же: знай себе ходи с тележкой по рядам, расставляй книги, а в хранилище поджидает новая тележка. Сизифов труд, говорил папа, когда только начинал. Раньше он преподавал лингвистику; он свободно говорит на шести языках, читает еще на восьми. Это он рассказал Чижу миф о Сизифе, обреченном вечно катить в гору камень. Папа любит мифы, непонятные латинские корни, длинные слова, которые нужно заучивать, как скороговорки. Когда папа рассказывает, он то и дело отвлекается: перескакивает с темы на тему, растолковывает сложные термины, объясняет происхождение слов и их родство – словом, глубоко копает. Раньше Чижу это нравилось – давным-давно, когда он был маленький, а папа преподавал в университете, и мама жила с ними, и все было по-другому. Когда он верил, что истории хоть что-то объясняют.

Теперь папа уже не рассказывает подолгу о словах. Из библиотеки он возвращается усталый, к вечеру у него болят глаза; он приходит окутанный тишиной, будто впитал ее с книжных полок, из прохладной духоты, из мрака, который не в силах рассеять тусклые лампочки в проходах. О маме Чиж не расспрашивает, да и сам папа избегает о ней говорить, по одной простой причине: лучше не жалеть о том, чего уже не вернешь.

И все-таки она возвращается – внезапными проблесками, обрывками полузабытых снов.

Ее смех, хриплый, будто фырчит тюлень, – смеялась она раскатисто, запрокинув голову. Неженственно, говорила она с гордостью. Или ее привычка в задумчивости барабанить пальцами, словно мысли ей не дают покоя. И еще воспоминание: глубокая ночь, Чиж сильно простужен. Просыпается в поту, сам не свой от страха, задышавшись от кашля и слез, грудь будто залита расплавленным свинцом. Он, кажется, умирает. Мама, завесив полотенцем ночник, сворачивается клубочком рядом, прильнув к его лбу прохладной щекой, и он засыпает в ее объятиях, и всю ночь мама его обнимает. А когда он просыпается, мама по-прежнему рядом, и страх, что встрепенулся было в нем, топорща перья, снова прячется.

Чиж с папой сидят за столом – Чиж барабанит карандашом по листку, папа уткнулся в газету. Все вокруг узнают новости из интернета – услышав сигнал, достают из карманов телефоны, прокручивают ленту. Раньше и папа так делал, но после переезда отказался и от телефона, и от ноутбука. Старомодный я человек, и все тут, отвечал он на расспросы Чижа. Теперь

он читает газету, от корки до корки. До последнего слова, говорит он, каждый день. В его устах это почти похвальба. Чиж решает задачи, стараясь не оборачиваться в сторону спальни, где лежит письмо. Чтобы отвлечься, он пробегает взглядом заголовки на первой странице газеты, заслонившей от него папу. «ЗОРКИЕ ДРУЖИННИКИ ПРЕДОТВРАТИЛИ БЕСПОРЯДКИ В ВАШИНГТОНЕ».

Чиж считает.

Если корейская машина стоит 15 000 долларов, но служит она всего три года, а американская стоит 20 000 долларов, но служит десять лет, то сколько денег можно сэкономить за 50 лет, если покупать только американские машины? Если опасный вирус распространяется среди десяти миллионов человек и каждый день поражает вдвое больше людей...

Папа, сидя напротив, сворачивает газету.

Осталось только сочинение. Чиж с трудом выдавливая из себя слово за словом, выходит косноязычно. *ПАКТ – это очень важный закон, который положил конец Кризису и поддерживает безопасность в нашей стране, потому что...*

Папа, свернув газету, смотрит на часы, и Чиж облегченно вздыхает – наконец можно отложить сочинение и карандаш.

Почти полседьмого, говорит папа. Идем ужинать.

Ужинают они в столовой через дорогу. Еще одно якобы преимущество папиной работы: не нужно готовить, для отца-одиночки в самый раз. Если вдруг они опаздывают на ужин, папа что-то стряпает на скорую руку – скажем, варит макароны из синей коробки, что стоит в буфете; скудный ужин, совсем не утоляет голод. Когда мама еще жила с ними, ели они все втроем за кухонным столом, под разговоры и смех, а потом мама, тихонько напевая, мыла посуду, а папа вытирал.

Они выбирают самый уединенный столик, в дальнем углу обеденного зала. Вокруг сидят по двое-трое студенты, со всех сторон струится их шепот. Чиж не знает их по именам и лишь немногих знает в лицо: он не привык смотреть людям в глаза. Просто иди мимо, всегда говорит папа, если на них смотрят прохожие, ощупывая взглядами, щекочущими, словно сороконожки. Чиж рад, что не нужно улыбаться и кивать студентам, поддерживать разговор. Студенты тоже не знают, как его зовут, да и все равно к концу года они разъедутся.

Под конец ужина с улицы доносится шум. Крики, грохот, визг тормозов. Сирены.

Никуда не уходи, велит папа, а сам подбегает к окну, где уже толпятся студенты, выглядывая на улицу. На столах остывают забытые тарелки, по стенам и потолку мечутся сине-белые лучи. Чиж не трогается с места. Скоро все кончится. Ни во что не ввязывайся, учит его папа, это значит – не привлекай к себе внимания. Если видишь, что где-то что-то неладно, сказал папа однажды, разворачивайся и беги. Такой он, папа, – идет по жизни с опущенной головой.

Но шепот в столовой нарастает. Все громче сирены, все ярче огни, по потолку пляшут жутковатые широкие тени. За окном недовольные голоса, толкотня, топот. Ничего подобного Чиж никогда не видел, так и тянет подбежать к окну, выглянуть, узнать, в чем дело. И в то же время хочется юркнуть под стол, спрятаться, как загнанный зверек, – Чиж и не знал, что он такой пугливый. С улицы хрипит репродуктор: «Полиция Кембриджа. Всех просим не покидать помещений. Не подходите к окнам до особого распоряжения».

Студенты возвращаются на места, а Пегги, заведующая столовой, обходит зал и наглухо задергивает все шторы. В воздухе звенит шепот. Чиж представляет на улице разъяренную толпу, баррикады из мебели и обломков, коктейли Молотова, пламя. Перед ним оживают фотографии Кризиса из школьных учебников. Колено дрожит, постукивает о ножку стола, а когда возвращается папа, дрожь опускается в самую глубь, в сердце.

Что случилось? – спрашивает Чиж.

Папа качает головой: кажется, провокация. И, заглянув в огромные от испуга глаза сына, добавляет: не волнуйся, Ной. Полиция уже здесь, они во всем разберутся.

В годы Кризиса беспорядки были обычным делом, об этом им твердили в школе, сколько он помнит. Армии безработных, закрытые заводы, дефицит; банды грабили магазины, буянили на улицах, поджигали целые кварталы. Страну парализовало.

Невозможно было жить нормальной жизнью, объяснял им учитель обществознания, переключая слайды на интерактивной доске, – улицы в руинах, выбитые окна. Танк посреди Уолл-стрит. Рыжий столб огня и дыма под аркой в Сент-Луисе.

Понимаете, дорогие мои, как вам повезло? – в наше время благодаря ПАКТу вооруженные протесты остались в прошлом.

И в самом деле, беспорядков Чиж почти не застал. ПАКТ был принят десять с лишним лет назад подавляющим большинством голосов в обеих палатах Конгресса и подписан президентом в рекордный срок. По данным многочисленных опросов, большинство населения до сих пор поддерживает ПАКТ.

Однако в последние месяцы страну захлестнуло нечто непонятное – не забастовки, шествия и волнения, о которых рассказывали им в школе, а что-то новое. Станные, с виду бессмысленные выходки, слишком дикие, чтобы о них умолчать; все устроено неизвестными, все направлено против ПАКТа. В Мемфисе злоумышленники в балаклавах пригнали к берегу мусоровоз, высыпали в реку полный кузов шариков для пинг-понга и скрылись. На каждом шарике алело крохотное сердечко, а под ним надпись: «Долой ПАКТ!» Не далее как на прошлой неделе два дрона развернули над Бруклинским мостом транспарант. «К черту ПАКТ», – гласил он. Не прошло и получаса, как полиция перекрыла мост, подогнала к опорам автокран и сняла транспарант, но Чиж видел фото с телефонов, успевшие разойтись по Сети, их опубликовали на всех новостных сайтах и даже в некоторых газетах. Большая растяжка с толстыми черными буквами, а внизу, кровавым пятном, сердечко.

В Нью-Йорке, пока был перекрыт мост, движение остановилось на несколько часов, люди выкладывали видео с длинными рядами машин, цепочкой огней, уходящей в ночное небо. Домой мы попали к полуночи, рассказывал журналистам один из водителей. Под глазами у него темнели круги, точно коготь. Нас, можно сказать, в заложниках держали, говорил он, и никто не понимал, в чем дело, – думали, теракт. В новостях приводили цифры: сколько потрачено впустую бензина, выделено углекислого газа, какие убытки понесла из-за простоя экономика. По слухам, в Миссисипи до сих пор находят пинг-понговые шарики; в Мемфисе полиция опубликовала фото утки, которая задохнулась, проглотив шарик, – с раздутым, словно от опухоли, зобом.

Форменное безобразие, кипятился учитель обществознания. Если кто из вас услышит, что готовятся подобные акции, ваш гражданский долг согласно ПАКТу – сообщить властям.

В школе провели внеплановую беседу, дали дополнительное задание: написать сочинение из пяти абзацев о том, как нынешние беспорядки угрожают обществу. Пока Чиж писал, рука у него заныла и онемела.

И вот провокация, совсем рядом, под окнами столовой. Чижа переполняет ужас пополам с любопытством. Что там – теракт? Восстание? Бомба?

Папа тянется к Чижу через стол, берет его за руку. Раньше, когда Чиж был маленький, папа часто так делал, а теперь это редкость, и Чиж втайне тоскует. Ладонь у папы мягкая, без мозолей – ладонь кабинетного ученого. Пальцы, теплые и сильные, обхватывают пальцы Чижа и ласково гладят.

Знаешь, откуда произошло слово «провокация»? – говорит папа. И объясняет: *pro* означает «вперед», «за» или «в пользу». Как в словах «прогресс», «проамериканский» или «прокурор».

Давняя папина привычка – разбирать слова на части, точно старые часы, чтобы показать, как устроен механизм. Он будто сказку Чижу рассказывает, старается его успокоить, отвлечь, а может быть, и самому отвлечься.

А *vocare* означает по-латыни «звать, бросать вызов». От слова *vox*, «голос». Как в словах «вокал», «вокалист».

Папин голос от волнения взлетает вверх, звенит натянутой струной. И «провокация», говорит он, на самом деле значит «вызов, подстрекательство».

Чиж представляет взорванные рельсы, перекрытые дороги, руины зданий. Вспоминает, как в школе им показывали фотографии: демонстранты швыряют камни, полицейские заслоняются стеной из щитов. На улице работает рация – сквозь помехи пробиваются голоса и вновь пропадают. Студенты за столиками уткнулись в телефоны – выкладывают новости, ищут объяснений.

Ничего, Ной, уверяет папа, скоро все кончится. Нечего бояться.

Я и не боюсь, отвечает ему Чиж. Он и правда не боится. Волосы у него встают дыбом не от страха, а от напряжения, что сгустилось в воздухе, словно перед грозой.

Минут через двадцать снова хрипит динамик – звук пробивается сквозь задернутые шторы и двойные стекла: «Отбой тревоги. В дальнейшем просим сообщать о любых подозрительных действиях».

Студенты понемногу расходятся – ставят на стойку подносы и спешат в общежитие, ворча, что их задержали. Уже перевалило за половину девятого, и у всех вдруг обнаружились срочные дела. Чиж с папой собираются, а Пегги отдергивает шторы, за окнами уже стемнело. В глубине зала суетятся работники столовой – снуют от столика к столику с тряпками и флаконами моющего средства, одна возит щеткой по кафелю, подметая крошки и овсяные хлопья.

Давайте я шторы отдерну, Пегги, предлагает папа, и Пегги благодарно кивает.

Оставляю на вас, мистер Гарднер, – и с этими словами она спешит на кухню. Чижу не сидится на месте: скорей бы папа закончил, скорей бы домой.

Чиж с отцом выходят на улицу – прохладный воздух неподвижен. Ни полицейских машин, ни людей, квартал опустел. Чиж ищет глазами разрушения – воронки, сгоревшие здания, битое стекло. Нет, ничего похожего. А когда они переходят дорогу, Чиж видит на асфальте, посреди перекрестка, пятно алой краски. Размером с машину, невозможно такое не заметить. Сердце, как на растяжке в Бруклине. И его обрамляет надпись: **ВЕРНИТЕ ПРОПАВШИЕ НАШИ СЕРДЦА!**

Чижа пробирает озноб.

На перекрестке он замедляет шаг, вглядываясь в надпись. **ПРОПАВШИЕ НАШИ СЕРДЦА**. Краска липнет к подошвам кроссовок, в горле пересохло. Чиж косится на папу – узнал ли он? Но папа тянет его за руку, тащит прочь, не глядя под ноги. И в глаза Чижу он тоже не смотрит.

Поздно уже, торопит он. Скорей домой.

Мама была поэтесса.

Знаменитая, сказала однажды Сэди, а Чиж пожал плечами: да ну!

Шутишь? – ответила Сэди. Кто не знает Маргарет Мяс?

Она призадумалась.

То ее стихотворение точно все слышали.

Сначала это была строчка как строчка.

Вскоре после маминого ухода Чиж нашел в автобусе, в щели между стеной и креслом, листовку, тонкую, словно крыло мертвой бабочки. Одну из многих. Папа выхватил ее у Чижа, скомкал, швырнул под ноги.

Не подбирай мусор, Ной.

Но Чиж успел прочесть: ВСЕ ПРОПАВШИЕ НАШИ СЕРДЦА.

Фразы этой он прежде не слышал, но после маминого ухода она стала попадаться всюду, месяц за месяцем, год за годом. В подземном переходе, на ограде баскетбольной площадки, на фанерных щитах вокруг долгостроя. ПОМНИТЕ ПРОПАВШИЕ НАШИ СЕРДЦА. Широкой кистью поперек плакатов народной дружины: ГДЕ ПРОПАВШИЕ НАШИ СЕРДЦА? А в одно достопамятное утро слова эти появились на листовках – ночью кто-то их разбросал на тротуаре, у бетонных подножий фонарных столбов, подсунул под дворники машин на стоянке. Листки размером с ладонь, размноженные на ксероксе, и на каждом – одна-единственная строчка: ВСЕ ПРОПАВШИЕ НАШИ СЕРДЦА.

Наутро надписи на стенах замазывали, плакаты срывали, листовки сметали, словно сухие листья. Чистота и порядок – уж не привиделось ли ему?

Тогда он не знал, что это означает.

Это лозунг против ПАКТа, коротко ответил на его вопрос папа. Это распространяют те, кто добивается отмены ПАКТа. Безумцы, добавил он. Одно слово, чокнутые.

Да, против ПАКТа только чокнутый станет бороться, согласился Чиж. ПАКТ помог справиться с Кризисом; ПАКТ стоит на страже покоя и безопасности. Это и детсадовцу понятно. ПАКТ продиктован здравым смыслом: если поступаешь непатриотично, последствий не миновать, а если нет, то к чему волноваться? А если ты увидел или услышал что-нибудь непатриотичное, твой долг – сообщить властям. Чиж не представляет жизни без ПАКТа; он непреложен, как закон всемирного тяготения или как заповедь «не убий». Непонятно, кому не угодил ПАКТ, при чем тут сердца и как они могут пропасть? Разве можно жить без сердца?

Ничего этого Чиж не понимал, пока не встретил Сэди. Ее забрали у родителей, потому что те выступали против ПАКТа.

А ты не знал? – удивилась она. Не знал, что за «последствия»? Да ну, Чиж, не придиуривайся!

Она ткнула пальцем в листок с домашним заданием: *Три столпа ПАКТа. ПАКТ запрещает пропаганду антиамериканских ценностей. ПАКТ обязывает всех граждан сообщать о потенциальных угрозах нашему обществу.* И там, куда Сэди показывала пальцем: *ПАКТ защищает детей от дурного влияния.*

Даже тогда он не желал верить. Может быть, у кого-то и отобрали детей из-за ПАКТа, но это единичные случаи, иначе об этом уже заговорили бы, разве нет? Если у тебя забрали ребенка, значит, ты и вправду опасен и ребенка нужно оградить – от тебя, от твоих слов и дел. И если на то пошло, говорят некоторые, у тех, кто издевается над детьми, тоже нельзя их отбирать?

Так он и сказал Сэди сгоряча, и она притихла. А потом сжала в кулаке свой бутерброд с тунцом и майонезом и залепила комком Чижу в лицо. Чиж протер глаза, а ее уже и след простыл, и весь день его преследовал запах рыбы.

Через несколько дней Сэди подошла к нему и что-то выудила из рюкзака.

Смотри, сказала она. Впервые за эти дни она к нему обратилась. Смотри, Чиж, что я нашла.

Газета почти двухлетней давности, с потрепанными уголками и поблекшими строчками. И заголовок, чуть ниже сгиба: «МЕСТНАЯ ПОЭТЕССА ВОВЛЕЧЕНА В БЕСПОРЯДКИ». Мамина фотография – улыбка, ямочка на щеке. Перед глазами все заволочло серой пеленой.

Где ты это взяла? – спросил Чиж, а Сэди пожала плечами: в библиотеке.

Эти строки скандируют на митингах против ПАКТа по всей стране, но корни их здесь – так близко, что становится страшно. С этой фразой все чаще и чаще обрушиваются на всенародно поддерживаемый закон о национальной безопасности; фраза эта – детище местной поэтессы

Маргарет Мяо, строчка из ее сборника «Пропавшие наши сердца». Мяо, дочь китайских иммигрантов и мать несовершеннолетнего сына...

Строчки поплыли перед глазами.

Улавливаешь, что это значит, Чиж? – спросила Сэди. И встала на цыпочки – от волнения, была у нее такая привычка. Твоя мама...

Тут Чиж все понял. Понял, почему она их бросила, почему они с папой никогда о ней не вспоминают.

Она одна из них, сказала Сэди. Она где-то там, организует протесты. Борется против ПАКТа, за его отмену, чтобы дети вернулись домой. Как мои родители.

Глаза ее потемнели и мечтательно блеснули. Казалось, она смотрит сквозь Чижа на что-то далекое, нездешнее.

Может быть, они там, все вместе, сказала Сэди.

Вот размечталась, подумал Чиж. Мама – во главе бунтовщиков? Вряд ли – а точнее, и вовсе невозможно. Но вот же они, ее строки, на всех плакатах и транспарантах с призывом к отмене ПАКТа, по всей стране.

Как именуют в новостях противников ПАКТа? Подлые диверсанты. Вероломные китайские клеветы. Язвы на теле американского общества. Некоторые слова ему пришлось искать в папином словаре, вместе со словами «ликвидировать» и «нейтрализовать».

Всякий раз, когда им попадались мамины строки – в новостях, на экране чужого телефона, – Сэди толкала Чижа в бок, будто заметила в толпе знаменитость. Значит, мама где-то там – печется о чужих детях, а родного ребенка бросила? Несправедливость поражала его до глубины души.

А теперь она уже не «где-то там». Вот мамины слова, алеют, точно кровь, посреди улицы, где он живет. А наверху, у него под подушкой, мамино письмо. И на асфальте возле его ног – такое же сердце, как на Бруклинском мосту. Чиж оглядывается через плечо, всматривается в темные уголки двора и не понимает, отчего у него похолодело в горле – от страха или надежды, не знает, чего бы он хотел – броситься в мамины объятия или найти, где она прячется, и вытащить ее на свет. Но в темных углах никого, и папа тянет его за руку в дом, на лестницу, вверх по ступенькам.

Дома папа, взмокший и усталый после подъема, снимает пальто и вешает на крючок. Чиж снова берется за уроки, но мысли не слушаются, разбегаются. Он смотрит в окно на двор, но видит лишь отражение их убогой конуры. На столе перед ним черновик сочинения.

Папа, зовет он.

Папа из своего угла поднимает взгляд от книги. Он читает словарь, рассеянно переворачивая страницы, – старая привычка, странная и в то же время милая. Когда-то родители проводили так целые вечера, на диване с книгами, и Чиж заглядывал через плечо то папе, то маме, выпрашивал значения самых трудных слов. Теперь в квартире у них из книг одни словари – только их они и забрали из домашней библиотеки, когда переезжали. Сейчас по глазам видно, что папа бесконечно далеко, в другом времени, изучает извивы истории какого-нибудь древнего слова. Чижу жаль возвращать его в наш мир, но ему необходимо знать правду.

Ты, случайно... Чиж откашливается. Ты, случайно, писем от нее не получал, нет?

Папино лицо застывает на миг, словно маска. Хоть Чиж и не сказал, о ком речь, все и так ясно. Для них существует только одна «она». Папа захлопывает словарь.

Разумеется, нет. Он подходит к Чижу вплотную, нависает над ним. Кладет руку ему на плечо.

Она исчезла из твоей жизни. Для нас ее больше нет. Понимаешь, Ной? Скажи, что понимаешь.

Чиж точно знает, что он должен сказать – понимаю, конечно, – но слова застревают в горле. Да есть она, есть! – хочет он закричать. Она... я не знаю... она пытается что-то мне рассказать, надо со всем этим развязаться, распутать этот клубок. И пока Чиж раздумывает, папа смотрит ему через плечо на неоконченное сочинение.

Дай взглянуть, просит он.

Папа уже несколько лет не преподает, но потребность учить никуда не делась. Ум его как большой пес, запертый в загоне, – мается без дела, рвется на волю. Вот папа уже склонился над сочинением, тянет к себе листок, который Чиж засллонил рукой.

Еще не готово! – Чиж грызет ластик на конце карандаша. Ластик крошится на зубах, во рту привкус графита и резины. Папа качает головой: яснее надо излагать. Вот, смотри, ты написал: *ПАКТ очень важен для национальной безопасности*. Надо уточнить, усилить: *ПАКТ – ключевое звено в защите Америки от тлетворного иностранного влияния*.

Он проводит пальцем по строке, размазывая буквы.

Или здесь. Пусть учитель увидит, что ты все понял – до конца разобрался. *ПАКТ защищает невинных детей от недостойных, непатриотичных родителей, внушающих им ложные, подрывные антиамериканские идеи*.

Он постукивает пальцем по бумаге.

Ну же, папа снова тычет в листок, так и напиши.

Чиж оборачивается, стиснув зубы и гневно сверкая глазами. Впервые в жизни папа видит у него такие глаза – словно два кремня, от которых разлетаются искры.

Пиши, велит папа, и Чиж пишет, и папа, шумно вздохнув, уходит в спальню со словарем в руках.

Покончив с уроками и почистив зубы, Чиж гасит в квартире свет и прячется за занавеской. Отсюда видна столовая через дорогу – сейчас она закрыта, окна темные, лишь тускло мерцают красные буквы «Выход». Вот подъезжает к обочине грузовик, гаснут фары. Выходит человек, еле различимый в темноте, что-то ставит посреди проезжей части и берется за работу. Через миг Чиж понимает: рабочий вынес ведро с краской и поролоновый валик. И замазывает сердце, наутро от него и следа не останется.

Ной, слышен за дверью папин голос, пора спать.

Ночью, пока папа тихонько похрапывает на нижней койке, Чиж, сунув руку в наволочку, нащупывает мягкий край конверта. Бережно достает письмо, разглаживает. Включает фонарик, который хранит здесь, наверху, чтобы читать тайком по ночам.

Вzybком свете кошки сливаются в мешанину из прямых и кривых линий. Что это – тайное послание? Шифр? Может быть, здесь спрятаны буквы – в полосках, кончиках ушей, изгибах хвостов? Чиж поворачивает письмо так и сяк, водит лучом фонарика вдоль линий, нарисованных шариковой ручкой. На спинке у полосатой кошки ему чудится буква М; изгиб лапки черной кошки напоминает С или Г, но трудно сказать наверняка.

Уже готовясь убрать письмо, он кое-что замечает – луч фонарика, словно миниатюрная линза, высвечивает деталь. В уголке, там, где должен быть номер страницы, – прямоугольник, величиной с ноготь мизинца. А в нем – другой, поменьше. Кошкам, разумеется, дела до него нет; если не присматриваться, то и не разглядишь его среди них. Но Чиж все-таки заметил. Что это – рамка, а в ней пустой лист? Старый телевизор с выключенным экраном? Окно, а за окном пустота?

Чиж приглядывается. С одной стороны точка, с другой – две петли. Дверь. Дверца чулана или сундука, закрытая наглухо. И тут словно ветерок из прошлого перевернул страницу, навевая воспоминание. Мамина сказка, полузабытая. Мама все время ему что-то рассказывала: сказки, притчи, легенды, мифы – прекрасные пестрые небылицы, разноцветье вымысла. Глядя на рису-

нок, Чиж вспоминает: да, была такая сказка. Про кошек, сундук и мальчика. Подробностей он не помнит, но точно была такая сказка. Что же там вначале?

Давным-давно... Давным-давно жил да был мальчик, который очень любил кошек.

Он ждет, когда сам собой вспомнится мамин голос, доскажет ему сказку до конца. Ждет, что покатится история, словно мячик с горы. Но слышит лишь папино мерное дыхание. Он забыл мамин голос. А голос, что рассказывает ему сказку, – его собственный.

После урока естествознания все бегут в буфет, толкаются в очереди за какао и сосисками в тесте, спешат занять самые удобные столики. Чиж никогда не любил обедать здесь, под вечный шепоток. Несколько лет он занимал столик в самом укромном углу, за торговым автоматом. А потом, под конец пятого класса, появилась Сэди и без смущения отвоевала место для них двоих. И весь этот год, чудесный год, он был не один. В первый же день Сэди схватила его за руку и потащила на улицу, на чахлый газончик. Там, в тиши и прохладе, все звуки казались громче, и когда он опустился рядом с ней на траву, он слышал все: и шорох пакетов, из которых доставали они бутерброды, и как шаркнула по бетону кроссовка, когда Сэди поджала под себя ногу, и шелест молодой листвы на ветру.

За спиной у них стали шептаться по-другому. Ребята теперь распевали: «Тили-тили-тесто, жених и невеста!»

Эту чушь до сих пор поют? – удивился папа, когда Чиж ему рассказал. Этой ерунде даже конец света не страшен. Все книги сожгут, а она останется.

Папа умолк на полуслове.

Не обращай внимания, скоро им надоест.

И задумался. Только не очень-то водись с этой Сэди, добавил он. А то все решат, что вы одного поля ягода.

Чиж кивнул, но с тех пор он и Сэди обедали вместе каждый день, в любую погоду, – вместе жались под козырьком в дождь, вместе дрожали от холода в зимнюю слякоть. А когда Сэди пропала, Чиж в буфет уже не возвращался и по-прежнему обедал в их любимом месте. К тому времени он уже усвоил: иногда быть одному – это не самое страшное.

Сегодня на улицу он не спешит, а задерживается в кабинете естествознания, нарочно долго роется в сумке с книгами, ждет, когда все разойдутся. За учительским столом миссис Поллард, складывая аккуратной стопкой бумаги, устремляет на него испытующий взгляд.

Тебе что-нибудь нужно, Ной? – спрашивает она. И достает из ящика стола коричневый бумажный пакет с аккуратно загнутым краем – свой обед. Позади нее на стене пестреют плакаты. На одном – гирлянда бумажных кукол, красных, белых и синих, растянутая вдоль карты Соединенных Штатов, и надпись: «МЫ ВМЕСТЕ!» Другой гласит: «Каждый благонадежный гражданин сеет добро, неблагонадежный – зло». И флаг, как в каждом классе, – нависает над плечом миссис Поллард, словно занесенный топор.

Можно я посижу за компьютером? – спрашивает Чиж. Хотел кое-что поискать.

Он указывает на стол возле дальней стены, где стоят шесть ноутбуков для общего пользования. Большинство одноклассников Чижа всё ищут в телефонах, а Чиж папа отказывается покупать смартфон. Ни в какую, поэтому Чиж – один из немногих, кто пользуется школьными компьютерами. За ними – пустые книжные полки, словно памятник из далекой эпохи, а книг на них Чиж никогда не видел.

Знаете ли вы, объясняла им год назад учительница, что бумажные книги устаревают, не успев выйти в свет?

Первый день учебного года, классный час. Все ребята сидят кружком на ковре возле ее ног.

Вот до чего быстро меняется мир. И наши представления о нем.

Учительница щелкнула пальцами.

Мы хотим, чтобы у вас была самая свежая информация. Чтобы вы пользовались только проверенными, современными источниками. Все нужное вы найдете здесь, в Сети.

Но куда они все делись? – подала голос Сэди. В школе она была новенькая, непуганая. Книги. Здесь точно были книги, иначе зачем тут полки? Куда вы их дели?

Улыбка учительницы стала натянутой.

Нельзя копить до бесконечности, объяснила она. Вот мы и изъяли книги, которые сочли ненужными, неприемлемыми или устаревшими. Но...

То есть вы все эти книги запретили, сделала вывод Сэди, а учительница так и заморгала сквозь очки.

Да что ты, милая, возразила она. Эта мысль напрашивается, но нет. Ты что, не слыхала про Билль о правах?

Весь класс со смеху так и покатился, а Сэди вспыхнула.

Каждая школа сама вправе решать, объясняла учительница, какие книги полезны ученикам, а из каких можно набраться заразы. Позвольте задать вам всем один вопрос: ваши родители хотят, чтобы вы водились с плохими людьми?

Учительница обвела взглядом класс. Ни одна рука не поднялась.

Нет, конечно. Родители пекутся о вашей безопасности, это их обязанность. Все вы знаете, что и у меня есть дети, да?

Согласный шепот.

Представьте себе лживую книгу, продолжала учительница. Или книгу, которая вас учит плохому – скажем, вредить другим или себе. Ваши родители никогда бы не поставили такую книгу дома на полку, верно?

Все в классе округлили глаза, закачали головами. Одна лишь Сэди сидела неподвижно, сжав губы ниточкой.

Вот так, сказала учительница. Все мы оберегаем детей. Все мы хотим оградить их от дурных идей – тех, которые могут им навредить, склонить к плохим поступкам. Против самих себя, против родных, против страны. От таких книг мы избавляемся, а вредоносные сайты блокируем.

И с улыбкой оглядела ребят.

Наш учительский долг, сказала она ласково, но твердо, заботиться обо всех вас как о родных детях. Решать, что стоит хранить, а от чего избавиться. Последнее слово остается за нами.

Наконец взгляд ее остановился на Сэди.

Так было всегда, продолжала она. Ничего не изменилось.

А сейчас, пока миссис Поллард раздумывает, Чижа ждет затаив дыхание. За месяц с начала учебного года он уже успел привязаться к миссис Поллард; дочь ее, Дженна, в шестом классе, а сын, Джош, – в первом. Волосы у нее светлые с проседью, она носит пиджаки с карманами и большие круглые серьги, похожие на карамельки. Если речь заходит о ПАКТе, на Чижа она никогда не смотрит, не то что учитель обществознания, а если слышит, что Чижа дразнят, говорит: «Седьмой класс, не отвлекаемся» – и стучит кулаком по столу.

Это для школы? – спрашивает она.

Чижа чем-то настораживает ее тон – а может быть, прищур; она будто знает, что он задумал. Ему бы побольше уверенности! Знать бы, что его поиски – не пустая затея. На лацкане у миссис Поллард поблескивает при свете ртутных ламп крохотный флажок.

Не совсем, отвечает Чиж. Просто интересно узнать. Про кошек, придумывает он на ходу. Мы с папой... кошку хотим завести. Я хотел почитать про разные породы.

Миссис Поллард чуть приподнимает бровь.

Вот как, отвечает она весело, питомца завести решили! Чудесно! Если нужна будет помощь, зови меня.

Кивком указав на блестящий серебристый ряд компьютеров, она разворачивает свой обед.

Чиж выбирает компьютер подальше от учительского стола. На каждом ноутбуке блестит небольшая металлическая табличка: «Дар семьи Лю». Два года назад родители Ронни Лю купили компьютеры в каждый класс и оплатили для школы высокоскоростной интернет. Это наш долг перед обществом, сказал мистер Лю на церемонии открытия. Он предприниматель – занимается недвижимостью, и директор поблагодарил его за щедрый дар: мол, это прекрасно, когда граждане помогают там, где городские власти не справляются. Хвалил семью Лю за активную жизненную позицию. В тот же год родители Артура Трэна пожертвовали денег на ремонт школьного буфета, а отец Дженни Юн подарил школе новый флаг и флагшток.

Чиж водит мышкой, и оживает экран, появляется фото горы Рашмор на фоне безоблачного неба. Чиж открывает браузер, и разворачивается окно, наверху лениво помаргивает курсор.

Что набирать? «Где моя мама?» Так уж об этом интернет и расскажет!

Чиж думает. Миссис Поллард за учительским столом, поглядывая в телефон, жует бутерброд. Пахнет арахисовой пастой. За окном кружит в воздухе бурый лист, опускается на тротуар.

«Сказка о мальчике и кошках», – набирает Чиж, и на экране вспыхивают строки.

«Черная кошка (рассказ)». «Кошки в литературе». Чиж нажимает на ссылки – вдруг что-то знакомое встретится, вспомнится. «Кот в колпаке». «Сказка о котенке Томе». «Популярная наука о кошках, написанная Старым Оппоссумом». Ничего не напоминает. Поиск уводит его все дальше. «Удивительные и правдивые истории о кошках». «Пять рассказов о кошках-героях». «Питание котенка и уход за ним». Столько историй о кошках, но маминой среди них нет. Должно быть, он сам все придумал. И все равно он не сдается.

Наконец, когда уже нет сил держать себя в руках, он набирает в поиске то, что ни разу прежде не решался набрать.

Маргарет Мяо.

Секунда ожидания – и всплывает сообщение об ошибке. «Ничего не найдено». Почему-то он еще острее чувствует, что ее нет рядом, как будто она не пришла на зов. Он смотрит через плечо. Миссис Поллард, покончив с обедом, проверяет тетради, ставит галочки на полях, и Чиж жмет на кнопку «Назад».

«Пропавшие наши сердца», набирает он, и страница на секунду зависает. «Ничего не найдено». Теперь страница не перегружается, сколько ни щелкай.

Миссис Поллард (Чиж подходит к учительскому столу), кажется, у меня компьютер завис.

Ничего, дружок, отвечает она, сейчас наладим. И, встав из-за стола, идет за ним следом к компьютеру, но, увидев строку на экране, меняется в лице. Даже не глядя на нее, Чиж чувствует, как она напряглась.

Ной, говорит она спустя секунду. Сколько тебе лет, двенадцать?

Чиж кивает.

Миссис Поллард несколько раз щелкает шариковой ручкой, потом садится возле Чижа на корточки, глаза ее теперь вровень с его глазами.

Ной, наше государство основано на принципе, что каждый вправе решать, как ему строить жизнь. Понимаешь?

Чиж молчит, ведь подобные вопросы взрослых обычно не требуют ответа.

Ной, говорит миссис Поллард, и у него зубы сводит, когда она вновь и вновь повторяет его имя – чужое имя. Ной, дружочек, выслушай меня, прошу. В нашей стране верят, что каждое новое поколение может распорядиться своей жизнью лучше предыдущего. Так? У всех равные возможности чего-то достичь, проявить себя. Мы не заставляем детей расплачиваться за грехи родителей.

Глаза ее тревожно блестят.

У каждого из нас есть выбор, Ной, повторять ли ошибки прошлых поколений или идти другим путем, лучшим. Улавливаешь мою мысль?

Чиж кивает, хоть и не совсем понимает, к чему она клонит.

Я все это говорю для твоего же блага, Ной, честное слово, уверяет миссис Поллард. Голос ее смягчается. Ты хороший мальчик, и я добра тебе желаю, и Дженне с Джошем я бы то же самое сказала, слово в слово. Смотри не наделай бед. Просто... веди себя хорошо, соблюдай правила. Не буди лихо. Ради папы, да и ради себя тоже.

Она встает – значит, разговор окончен.

Спасибо, цедит Чиж.

Миссис Поллард кивает, успокоенная.

Если все-таки решите завести кошку, берите у проверенных людей, говорит она, выходя в коридор. А если бездомную подобрать... кто знает, какая у них там зараза.

Только время потерял, досадует Чиж. Весь остаток дня, от английского до математики, он ругает себя. В довершение всех дел обед так и лежит в сумке нетронутый, а в животе урчит от голода. Весь урок обществознания он думает о своем, и учитель строго велит ему собраться:

Мистер Гарднер, вас это касается в первую очередь.

Тупым огрызком мела он пишет на доске, и из-под руки разлетаются белые хлопья: ЧТО ТАКОЕ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО?

Кэролайн Мосс и Кейт Анджелини косятся на Чиж с соседнего ряда, а Энди Мур, улучив минуту, когда учитель отвернулся к доске, запускает Чижу в голову бумажный шарик. Ерунда, уверяет себя Чиж. Подумаешь, сказка про кошек, ни пользы, ни смысла, и он тут ни при чем. Всего-навсего сказка, мало ли что мама ему рассказывала. Сказка ни о чем. А может, он что-то напутал и такой истории вовсе не было.

По дороге домой через общественный сад он видит сначала толпу, потом полицейских в темно-синей форме – и наконец, через миг, ничего уже не видит, только деревья. Красные, красные, красные, от корней до макушек, будто их окунули в краску и поболтали. Красные, как перья кардинала, как знаки «стоп», как вишневые леденцы. Три клена, бок о бок, ветви словно протянутые руки. А меж ветвей, среди жухлой листвы, – гигантская красная сеть, висит в воздухе кровавой дымкой.

Чиж должен идти напрямик домой, не отклоняясь от маршрута, что расписал ему папа: через широкий двор между зданиями университетских лабораторий, потом через студгородок с корпусами из красного кирпича. По возможности избегать улиц, держаться ближе к университету. Так безопаснее, настаивает папа. Когда Чиж был маленьким, папа каждый день проводил его в школу и встречал после уроков. Не пытайся срезать, Ной, повторял он, слушай меня, и все. Обещай, попросил он, когда Чиж в первый раз пошел в школу один, и Чиж обещал.

В этот раз Чиж нарушает слово – бросается через дорогу к общественному саду, где уже собралась кучка зевак.

Отсюда ему виднее. Никакая это не краска, а пряжа, будто на деревья набросили огромные кружевные салфетки или надели тугие красные перчатки. Шерстяная паутина – меж ветвей тянутся багряные нити, крест-накрест, где гуще, где тоньше. А в нитках запутались, словно пойманные бабочки, вязанные куклы величиной с палец – желтые, бежевые, коричневые, с тем-

ными шерстяными чубчиками. Прохожие шепчутся, тычут пальцами, и Чиж протискивается ближе.

Страшное зрелище, как если бы великан на досуге решил заняться вязанием. Алый колтун. Рядом с ним Чиж чувствует себя маленьким, уязвимым, беззащитным и все равно смотрит как зачарованный, и его тянет ближе – так притягивает взгляд змеи, готовой напасть.

Вокруг деревьев толпятся полицейские – перекрикиваются, пробуют пряжу на ощупь, обсуждают, как ее лучше убрать. Но поздно: прохожие уже достают из карманов и сумок телефоны, украдкой снимают на ходу. Скоро эти фото появятся всюду. Полицейские с пистолетами за поясом обступают деревья. Один сдвигает повыше на лоб козырек, другой кладет на траву щиток из оргстекла. Они вооружены до зубов, но ни к чему подобному не готовы.

А ну разойдись! – рявкает один и становится между толпой и деревьями, будто пытаясь заслонить собой диковинное зрелище. Хватается за дубинку, похлопывает ею по ладони. Прошу покинуть место происшествия. Разойтись, всем разойтись, у нас запрет на собрания.

Легкий ветерок колышет вязаных кукол. Чиж, задрав голову, смотрит на темные силуэты на фоне лазоревого неба. Зеваки послушно расходятся, толпа редет, и тут он замечает на асфальте надпись белым по трафарету: СКОЛЬКО ЕЩЕ БУДЕТ ПРОПАВШИХ СЕРДЕЦ? А рядом красное пятно – нет, сердце.

Чиж почти не верит в такую возможность, но все равно ищет – смотрит по сторонам, не прячется ли она за деревом или в кустах. Вдруг из тени покажется ее лицо? Но, ясное дело, никого нет.

Пора уходить, малыш, слышит он голос полицейского и видит, что все уже разошлись, он один остался. Он вежливо кивает – простите! – и спешит прочь, а полицейский возвращается к остальным. Патрульные машины с мигалками перекрывают улицу с двух сторон. Парк оцепляют.

У перехода Чиж медлит, смотрит украдкой, спрятавшись за припаркованной машиной. Умела ли мама вязать? Вроде бы нет. Да и, как ни крути, невозможно такое сотворить в одиночку – и сеть сплести, и столько кукол связать; вот они покачиваются на ветках, словно переспелые плоды, но держатся крепко, точно сквозь дерево проросли. Когда они успели все это здесь развесить? – удивляется Чиж и сам не знает, кто эти «они». Сквозь стекла машины видно, как полицейские спорят, что делать, и вид у них растерянный. Один запускает в сеть пальцы и дергает – тонкая ветка ломается с хрустом, похожим на выстрел. Часть сетки распускается, дюйм за дюймом. Внутри у Чижа тоже что-то ломается, он не в силах смотреть, как рушат хрупкую красоту. Куклы трепещут в красных силках, словно бьются в паутине. Голова у Чижа вот-вот лопнет от обилия мыслей.

Один из полицейских достает садовый нож и начинает кромсать, и обрезки сыплются водопадом на землю. Подходит другой, с лестницей, лезет на дерево и, сорвав с ветки куклу, швыряет на землю. Это не куклы, приходит вдруг Чижу в голову, это же дети. Головастые, с темными челками и куцыми ручками-ножками. Безротые, с глазами-пуговками, и когда крохотное шерстяное тельце шлепается в грязь, Чиж отворачивается, еле сдерживая дурноту. Смотреть на это невозможно.

Он думал, что Сэди – исключение.

Изъятие детей, связанное с ПАКТОМ, было и остается большой редкостью.

Не такая уж это и редкость, уверяла Сэди.

Но сколько таких случаев? – спросил он однажды. Десять? Двадцать? Сотни?

Сэди, подбоченясь, смерила его взглядом.

Чиж, сказала она с убийственной жалостью, ты что, так ничего и не понял?

Вот о чем не любят говорить и уж подавно не хотят слышать: патриотизм ПАКТа замешан на угрозе. Но есть и те, кто пытается вслух сказать о том, что происходит, разобраться самим и объяснить другим. Как мама Сэди. Есть кадры, где она стоит на улице Балтимора, аккуратно обсаженной деревьями. Обычная улица, каких не счесть, только совершенно пустая – ни машин, ни людей, ни собак, одна мама Сэди в желтой спортивной куртке, с микрофоном возле рта.

«Вчера утром, – говорит она, – на эту тихую улицу в дом Сони Ли Чун пришли сотрудники полиции и забрали ее четырехлетнего сына Дэвида. За что? За то, что Соня недавно написала в соцсетях о том, как ПАКТ пытаются использовать против американцев азиатского происхождения».

Сзади к ней подъезжают две полицейские машины с выключенными фарами – бесшумно, зловеще – и останавливаются поперек улицы. Издали видно, как выходят четверо полицейских и медленно приближаются, а механическая щетка метет и метет асфальт. Не дрожит ни камера, ни голос Сэдиной мамы. «Кажется, мы привлекли внимание полиции... Я с Пятого канала, вот моя пресс-карта, мы... – Приглушенные голоса, а потом мама Сэди говорит в камеру с непоколебимым спокойствием: – Меня арестовали». Как будто это происходит с кем-то другим, а она ведет репортаж.

Микрофон у нее забирают, губы шевелятся, но звук пропал. Один полицейский, заломив ей руки, надевает на нее наручники, другой, глядя в камеру, хватается за пистолет и беззвучно выкрикивает приказы. Невидимый оператор ставит на землю камеру, и горизонт заваливается, перечеркнув кадр. Когда их уводят, камера – по-прежнему работающая – показывает только ноги: вот они движутся к верхней кромке кадра, удаляются, исчезают.

Чижу удалось посмотреть эти кадры, потому что Сэди сохранила видео на телефоне. Строго говоря, это компромат – здесь ее мама «пропагандирует, поддерживает или одобряет непатриотичные действия в узком либо широком кругу», – но Сэди как-то умудрилась заполучить копию и все эти годы упорно ее переносила с телефона на телефон. На упрощенном смартфоне, который дали ей приемные родители (Сэди в насмешку окрестила его «поводком» – мол, она всегда на связи как на привязи, и если надо, ее всегда отыщут по координатам), это видео хранится в папке «Игры». Чижу случалось видеть ее с телефоном в углу школьной площадки или в домике для игр. На экране снова и снова ее мама, невозмутимая среди хаоса, медленно уходящая в небо.

Это был первый ее арест, рассказывала Сэди, но она только пуще расхрабрилась. Стала разыскивать тех, у кого из-за ПАКТа забрали детей, уговаривала дать интервью. Пыталась узнать, где сейчас дети. Хотела заснять, как забирают ребенка; задействовав все свои связи в службе опеки, в мэрии, пыталась выяснить, кто на очереди.

Вскоре с мамой Сэди связалась по электронной почте ее начальница Мишель: кофе в выходные, поболтаем. Неофициально, с глазу на глаз. Мишель заглянула в гости с двумя бумажными стаканчиками кофе, и они устроились на кухне. Сэди маячила в коридоре, никто ее не замечал. Ей было одиннадцать.

Эрика, меня тревожит, говорила Мишель, потягивая кофе с молоком, как это может аукнуться.

Журналиста со Второго канала недавно оштрафовали за слова, что ПАКТ поощряет дискриминацию азиатов, – дескать, они подрывают устои общества, а он призывает их жалеть. Телеканал выплатил штраф, почти четверть годового бюджета. В Аннаполисе у другого канала отобрали лицензию. Там тоже критиковали ПАКТ – не иначе как совпадение.

Я журналист, сказала мама Сэди. Говорить об этом – моя работа.

Канал у нас маленький, отвечала Мишель. И вот в чем загвоздка: если урезать бюджет, мы еле-еле выйдем в ноль. И если от нас откажутся спонсоры...

Она осеклась, мама Сэди вертела в руке кофейный стаканчик.

А они что, грозятся? – спросила она, а Мишель ответила: двое уже отказались. Но это еще полбеды. Как это аукнется тебе, Эрика? И твоим родным.

Давняя дружба связывала этих двух женщин, белую и черную. Вместе ездили они на природу, вместе отмечали праздники. Замужем Мишель никогда не была и детей не имела, телеканал называла своим детищем. Когда родилась Сэди, Мишель связала ей желтую кофточку и пинетки; она водила Сэди в зоопарк, в океанариум, возила в форт Уильям-Генри¹. Тетечка Шелли, называла ее Сэди.

Ходят слухи, продолжала Мишель. Страшные слухи. Не одним азиатам и участникам протестов стоит бояться ПАКТа, Эрика. Давай мы тебе на время сменим амплуа, поручим тебе что-нибудь подальше от политики.

То есть как – подальше от политики? – переспросила мама Сэди.

Боюсь, как бы с тобой чего не случилось, если продолжишь в том же духе, сказала Мишель. Или с Львом. А больше всего боюсь за Сэди.

Мама Сэди не спеша отхлебнула из стаканчика. Кофе давно остыл.

По-твоему, если я сдамся, спросила она наконец, то нам ничего не грозит?

Сэди забрали через несколько недель.

Пришли они поздно вечером, рассказывала Сэди. После ужина. Она как раз вышла из душа и сидела, завернувшись в полотенце, когда раздался звонок. Мама расчесывала Сэди волосы – густые, курчавые, непослушные, – и тут внизу послышался громкий, сердитый папин голос. Следом – два незнакомых голоса, мужских. Мама, взяв в руку прядь, бережно расчесывала, и вот что запомнилось Сэди: сзади по шее сползает капля, мама уверенной рукой распутывает узелки.

Она не дрожала, рассказывала Сэди с гордостью. Ничуть.

Может быть, она не знала, что сейчас будет? – предположил Чиж.

Сэди мотнула головой: все она знала.

Мама обняла ее, поцеловала в лоб. Сэди еще не понимала, в чем дело, но страх уже просочился ей в душу, по влажной коже пробежал холодок. Она прильнула к маме, уткнулась в ее мягкую шею с такой силой, что чуть не задохнулась.

Не забывай нас, хорошо? – сказала мама. Сэди так ничего и не успела понять, когда открылась дверь ванной. Человек в полицейской форме. Снизу все гремел папин голос.

Полицейских, как выяснилось, было четверо. Двое остались внизу с папой, третий – наверху с мамой, а четвертый топтался под дверью детской, пока Сэди одевалась. Растерявшись, она надела пижаму в радужную полоску, будто готовилась ко сну, как в обычный день. Пусть она вернется в комнату, переоденется, сказала мама, когда Сэди вышла в прихожую, дайте я хотя бы косички ей заплету. Но полицейский в коридоре покачал головой.

Теперь, сказал он, она не ваша забота.

Взяв Сэди за плечо, он повел ее вниз по лестнице, и Сэди наконец поняла, что творится что-то ужасное, но в то же время не верила, что это все наяву. Она обернулась к маме за подсказкой: что делать – кричать? сопротивляться? бежать? смириться? – но полицейский в синей форме заслонил своей широкой грудью маму, виден был лишь кусочек руки. И Сэди вспомнила, чему ее всегда учила мама: с полицейскими держись очень вежливо, говори «пожалуйста» и «спасибо», обращайся к ним «сэр» или «мадам». Не зли их ни в коем случае. Сэди завели в большую черную машину, полицейский усадил ее сзади, пристегнул, и Сэди сказала «спасибо». Позже, когда ее отвезли в участок, потом в аэропорт, а оттуда в приемную семью

¹ Форт Уильям-Генри – британский форт на южном берегу озера Лейк-Джордж (на территории современного штата Нью-Йорк). Форт получил особую известность после резни, устроенной индейцами против английских солдат и колонистов, сдавшихся французам в 1757 году. Эти события легли в основу романа Ф. Купера «Последний из могикан». В настоящее время форт реконструирован и действует как музей. – *Здесь и далее примеч. перев.*

и она поняла, что домой больше не вернется, она пожалела, что сказала «спасибо», пожалела, что ушла так безропотно.

Первые приемные родители хотели сменить ей имя. С новым именем в новую жизнь, уговаривали они, но Сэди ни в какую.

Меня зовут Сэди, и точка.

Две недели ее упрашивали, потом сдались.

В те дни многое стало для нее новым. Новая семья, новый дом, новый город, новая жизнь – этого она не в силах была изменить, но отстаивала то небольшое, что могла. Придя в школу, она остановилась у крыльца, сбросила пышное цветастое платье, в которое ее нарядили, оставила на газоне и зашла в класс в трусах и майке. Звонок директора школы; гневная нотация приемных родителей. На следующее утро Сэди проделала то же самое. Вот видите, твердили все. Что за родители?.. Она же пещерный человек!

Вторая приемная мать пыталась распутать густое облако Сэдиных волос. Придется их выпрямить, сказала она, отчаявшись, и ночью, когда все уснули, Сэди прокралась вниз, на кухню, за ножницами. И с тех пор ходила стриженная, с ореолом кудряшек вокруг головы. Не знаю, что с ней делать, жаловалась приемная мать подруге, думая, что Сэди не слышит. Ей как будто совершенно все равно, как она выглядит.

Все они были добрые люди, все добра ей желали. Их выбрало правительство как благонадежных граждан, способных привить ребенку патриотические ценности.

Что-то с ней не так, сказала при Сэди по телефону ее нынешняя приемная мать – раз в неделю звонил соцработник, собирал доказательства, что Сэди нужно оставить в приемной семье. За все время, что она здесь, ни разу не заплакала. Я даже за дверью стояла по ночам, слушала. Хоть бы раз всхлипнула! Вот и скажите, мыслимое ли дело, чтоб ребенок такое пережил, и ни слезинки? Да. И я того же мнения. Что у нее за родители, раз воспитали ее такой черствой и бездушной?

И вздохнула. Делаем все, что в наших силах, продолжала она. Постараемся залечить все раны.

Спустя несколько недель Сэди нашла в столе у приемной матери письмо. *Ввиду серьезных эмоциональных травм, нанесенных ребенку в семье, рекомендуем окончательное изъятие. Приемные родители назначаются постоянными опекунами.*

И верно, Сэди никогда не плакала. Несколько раз она показывала Чижу письма на свой прежний адрес, нацарапанные на тетрадных листках, – последнее вернулось со штампом «АДРЕСАТ ВЫБЫЛ». Даже тогда Чиж не видел у нее слез.

Но, застав ее на корточках в углу площадки, лицом к проволочной сетке, Чиж всякий раз отворачивался, чтобы ей не нужно было храбриться. Пусть она побудет наедине со своим горем или с чем-то другим, еще более тяжелым, чем она горе заслоняет.

В мае Сэди предложила ему: давай сбежим.

Поедем и найдем их.

Он знал, что Сэди пускалась в бега и раньше, но ее всякий раз возвращали. На этот раз, настаивала она, все у меня получится. Ей недавно исполнилось тринадцать – считай, взрослая.

Бежим со мной, Чиж, уговаривала Сэди. Мы их точно найдем.

То есть ее родителей и его маму. Сэди свято верила, что они где-то рядом, возможно, даже вместе, и их можно найти. Красивая, утешительная сказка.

Тебя же поймают, испугался Чиж.

Нет, не поймают, отрезала Сэди. Я собираюсь...

Но Чиж перебил ее: не говори, не хочу знать. Вдруг меня спросят, куда ты делась?

Он смотрел, как она раскачивается на соседних качелях, взлетает все выше и выше, и вот ноги задрались над перекладиной, цепочка провисла. И Сэди с визгом прыгнула в воздух, в пустоту. Когда Чиж был маленький, он любил прыгать с качелей прямиком в мамины объятия. Сэди ведь ничем не заслужила такого, думал Чиж, это все ее родители виноваты, зачем они так с ней обошлись? Почему сразу не остановились, как можно быть такими безответственными? Сэди встрепенулась, выглянула из травы, куда она приземлилась. Она не ушиблась. Она смеялась.

Прыгай, Чиж, крикнула она, но прыгать он не стал, а дождался, пока остановятся качели, и чиркнул кроссовками по гравию, испачкав их серой пылью.

Сейчас он мысленно видит ее перед собой: Сэди в воздухе, с раскинутыми руками, взрезает небо. Когда она сбежала, никто не знал, куда она делась; одноклассники и даже учителя вели себя так, будто и вовсе не было никакой Сэди. Наверняка уже появились в Сети фотографии из общественного сада – ветви деревьев, словно чьи-то руки, держат крохотные фигурки, подставляют их свету. Тысячи маленьких Сэди на голубом фоне.

На следующее утро по дороге в школу он видит, что стало с деревьями: с них все сорвано, лишь темнеет грубая кора. Ни следа вчерашнего. Но если присмотреться, вдоль стволов – будто свежие раны: сломанные ветки там, где сдернули пряжу. Одинокая красная нитка втоптана в грязь. Надо разобраться, что здесь случилось; и когда он думает о Сэди, его вдруг осеняет, с чего начать.

После школы он должен идти сразу домой. Никуда не выходи, велит ему папа. И делай уроки. Но сегодня обычной дорогой он не идет. Он сворачивает на Бродвей и мимо школы старшей ступени, где ему предстоит учиться через несколько лет, направляется к большой публичной библиотеке, где ни разу еще не бывал.

«Библиотека» от греческого «библио» – «книга», «тэке» – «хранилище», «короб», рассказывал папа. А слово «короб» происходит от латинского «корбис» – «корзина», «плетеная посуда» из коры, лыка, бересты. В старину, кстати, писали на коре.

Вспоминается одна осенняя прогулка. Папа провел тогда рукой по стройному березовому стволу, и береста отслоилась, закурчавились хлопья, белые, как бумага.

Вот так и со словами, объяснял ему папа. Снимаем слой за слоем, раскрываем значение.

Давным-давно, в Музее естествознания: гигантский спил древесного ствола, диаметром больше папиного роста. На бежевой древесине карамельно-желтые кольца. Чиж с папой их сосчитали, от коры до сердцевины, потом в обратную сторону. Папа провел по древесине пальцем. Это дерево посадили, когда Джордж Вашингтон был еще мальчишкой. Вот Гражданская война, вот Первая мировая, Вторая мировая. Вот год папиного рождения. А вот год, когда все рухнуло.

Видишь? – сказал папа. Там, внутри, вся история. Снимаешь слой за слоем, и они все объясняют.

Библиотека, она как замок, рассказывала ему Сэди. Она туда ходила каждый день, стараясь урвать пять минут по дороге из школы, спешит туда чуть ли не бегом, посидит сколько можно – и галопом домой. Сэди, не мешало бы тебе мыться почаще, ворчала приемная мать, когда Сэди влетала в дом взмыленная, помятая. Тебя же поймают, беспокоился Чиж, но Сэди хоть бы что. Родители каждый день читали ей перед сном, и если Чижу истории только расстраивали раны, то для Сэди они были как целительный бальзам. Настоящий замок, повторяла

она с трепетом. Чиж в ответ всегда закатывал глаза, но теперь он понимает, что это недалеко от истины: библиотека – внушительное здание из песчаника, с арками и башней, а новое крыло стеклянное, сплошь из острых углов, и Чиж, поднимаясь по лестнице, чувствует, будто попал разом в прошлое и в будущее.

Не каждый день он видит вокруг столько книг, и в первую минуту голова кружится от такого изобилия. Полки, полки, полки. Столько, что впору заблудиться. Библиотекарша за стойкой – темноволосая, в розовом свитере – косится на Чижа поверх очков, как на чужака, и Чиж спешит юркнуть в проход, спрятаться от ее взгляда. Вблизи он замечает, что многих книг нет на местах, полки беззубо скалятся. И все-таки он чувствует, что здесь-то и таятся ответы – спрятаны между страниц книг, которые отсюда унесли. Его задача – найти их.

Сбоку к полкам прибиты таблички, список тем для каждого стеллажа – с запутанной нумерацией, в непостижимом порядке. В некоторых разделах по-прежнему изобилие: «Транспорт», «Рыбы, змеи, ящерицы», «Спорт». Другие полностью опустошены. Когда Чиж добирается до стеллажа номер 900, там почти ничего нет – пустые полки стоят, словно обглоданные скелеты, дробя на квадраты солнечный свет. Немногие уцелевшие книги как темные пятнышки. «Ось Китай – Корея и новая холодная война». «Внутренняя угроза». «Конец Америки: Китай на подъеме».

Блуждая по проходам, Чиж замечает кое-что еще: в библиотеке, можно сказать, ни души. Он здесь единственный посетитель. На втором этаже – ряды свободных кабинок для чтения, длинные столы, где никто не сидит. И внизу та же картина – незанятые стулья да сиротливая табличка: *Передумали? Решили не брать книгу – положите на тележку*. Никакой тележки здесь больше нет, голый линолеум. Город-призрак, и он, Чиж, – живой в стране мертвецов. Он проводит пальцем вдоль пустой полки, оставив в пушистой пыли блестящую дорожку.

В подвальном этаже, в самом дальнем углу, он находит раздел «Поэзия», обводит взглядом полки в поисках буквы М. Кристофер Марло, Эндрю Марвелл. Эдна Сент-Винсент Миллей. Неудивительно, что за Мюссе сразу следует буква Н, и все же грустно, что ее имени там нет.

Нет, не стоило сюда приходить. Здесь какая-то запретная зона, и зря он все это затеял. Острый металлический запах щекочет ноздри. Чиж пробирается поближе к стойке, где библиотекарша с холодной деловитостью сортирует книги, доставая из ящика. Только бы не встретиться с ней взглядом. Если она обернется, надо удирать.

Чиж следит за ней, спрятавшись за стеллажом, ждет. Библиотекарша берет из синего пластмассового ящика очередную книгу, заглядывает в список, ставит галочку. Затем, неизвестно для чего, одним движением пролистывает книгу – страницы веером – и, захлопнув, кладет в стопку. Берет другую и точно так же пролистывает. И третью. Она что-то ищет, понимает Чиж, – и наконец, в одной из книг, находит. На этот раз она пробегает список дважды и откладывает ручку. Этой книги, как видно, в списке нет. Она не спеша листает книгу, страница за страницей, и вот у нее в руке какая-то бумажка.

Издали видно, что там что-то написано. Выглянув из-за стеллажа в надежде разобрать хоть слово, Чиж попадает на глаза библиотекарше.

Мгновенно свернув бумажку вдвое и спрятав, она спешит к Чижу.

Эй, ты что там делаешь? Я с тобой разговариваю. Я тебя вижу. Вылезай! А ну вылезай!

Она берет Чижа за локоть.

И давно ты здесь прячешься? Чем ты тут занят?

Вблизи она кажется и старше, и моложе, чем он ожидал. В длинных каштановых волосах стальной проволокой блестит седина. Она, наверное, старше мамы, думает Чиж. Но есть в ней и что-то от юной девушки: в носу поблескивает серебряное колечко, лицо очень живое, и кого-то она ему напоминает. Спустя миг его осеняет: Сэди. Тот же озорной блеск в глазах.

Простите, говорит Чиж. Я просто... я ищу одну сказку. Вот и все.

Библиотекарша разглядывает его поверх очков.

Сказку? А что за сказка?

Чиж оглядывает лабиринт книжных стеллажей, библиотекарша сжимает его локоть, а в другой руке держит... что? Чиж заливается краской.

Не помню, как называется. Мне ее рассказывали очень давно, там был мальчик и много кошек.

Вот и все подробности?

Сейчас она его вышвырнет. Или позвонит в полицию, и его арестуют. Своим детским чутьем он понимает, что наказывают далеко не всегда за дело. Цепкие пальцы еще сильнее впиваются ему в локоть.

Она в задумчивости прикрывает глаза.

Мальчик и много кошек... откликается она эхом. Слегка ослабляет хватку, а потом и вовсе разжимает пальцы. Гм. Есть такая детская книжка, «Миллионы кошек». Про то, как старик со старушкой хотят завести самую красивую кошку на свете. И находят сотни кошек, тысячи кошек, миллионы кошек. Знакомо это тебе?

Чиж качает головой: ничего не вспоминается.

В той сказке есть мальчик, повторяет он. Мальчик и сундук.

Сундук? Библиотекарша закусывает губу. В глазах ее вспыхивает огонек, она вся напряглась, и представляешь ее кошкой на охоте – ушки на макушке, шерсть дыбом. В книге «Сэм, Бэнгз и лунный свет» есть мальчик, а сундука, насколько я помню, нет. У Беатрис Поттер кошек много, но нет никаких мальчиков. Это книжка-картинка или роман?

Не помню, признается Чиж. Про все эти книги он слышит впервые, и голова идет кругом – столько на свете сказок, о которых он знать не знает! Это все равно что услышать, что есть новые цвета, которых он в жизни не видел. Я ее на самом деле не читал, объясняет он. Это сказка, мне ее рассказывали однажды.

Гм.

Библиотекарша разворачивается с небывалой прытью – пойдём поищем – и спешит прочь, украдкой сунув в карман свернутую бумажку.

Шагает она так стремительно, что он едва не теряет ее из виду. Полка за полкой, мимо проносится целый мир в миниатюре: «Традиции и этикет», «Одежда и мода». Этот мир она знает вдоль и поперек и наверняка могла бы нарисовать по памяти, словно карту, по которой много раз путешествовала.

Вот мы и пришли, говорит она. Фольклор.

Барабани пальцами по книжным корешкам, она бегло читает названия, оценивая в уме каждую книгу.

Есть такая сказка, «Кошачья шкурка», – и, сняв с полки книгу, она протягивает ее Чижу. На обложке позолоченные буквы, тесный круг рыцарей и золотоволосых красавиц.

Есть в этой книжке еще одна сказка, «Дружба кошки и мышки». Чем кончается, сам догадайся. Только мальчика там нет. Есть, конечно, и «Кот в сапогах», но сын мельника вряд ли за мальчика сойдет, да и сундука там тоже нет, и кот всего один.

Не дожидаясь ответа Чижа, она продолжает: давай подумаем. Ханс Кристиан Андерсен? Нет, вряд ли. Есть легенда о том, как кошка баюкала в колыбельке младенца Иисуса, а колыбелька – это почти что сундук. Или, может быть, это миф? Богиня Фрейя ездила в колеснице, запряженной кошками, а еще есть Бастет, как же без нее, – но там ни сундуков, ни мальчиков. А у древних греков ничего не припомню про кошек.

Она потирает висок костяшкой узловатого пальца. О Чиже она, кажется, почти забыла и разговаривает сама с собой. Или с книгами, словно они живые существа и могут откликнуться. К немалому его облегчению, она как будто забыла и о том, что он подглядывал, и о таинственной бумажке.

Больше ничего не вспоминается? – спрашивает она.

Нет, отвечает Чиж, ничего.

Он вертит в руках сборник сказок. Сзади на обложке – убитый дракон на шесте, из пасти веревкой свешивается красный язык. В горле у Чижа встает жаркий комок, Чиж щурится, сглатывает, пытаясь прочистить горло.

Эту сказку мне мама рассказывала, давным-давно. Да ладно, обойдусь.

Он готов уйти.

Кажется, вспомнила одну старую детскую книжку, говорит библиотекарша. И добавляет, понизив голос: японскую сказку.

Она замирает, окидывает взглядом стеллаж, электронную справочную в конце ряда.

Но ее там нет.

И, щелкнув пальцами, она кивает Чижу, как будто он сам нашел ответ.

Пойдем со мной.

Чиж идет за ней следом между рядами к двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен». Ключом на шнурке библиотекарша открывает дверь. Комната доверху забита книгами, на письменном столе громоздятся кипы бумаг. Картотечные шкафы, вентилятор. Пыль. Но они идут мимо стола к ржавой железной двери, зеленоватой, будто заплесневелой. Библиотекарша толкает дверь плечом и, подцепив ногой корзину для бумаг, подпирает ею дверь, чтоб не закрывалась. Бок у корзины продавлен – как видно, ее подставляют под дверь уже не первый год.

Библиотекарша кивком подзывает Чижа: давай еще кое-где поищем.

За дверью площадка, отгороженная подъемной железной решеткой. Должно быть, раньше тут разгружали грузовики с книгами из других библиотек. Теперь грузовику здесь не развернуться, площадка завалена ящиками и коробками – похоже, ею не пользуются уже несколько лет.

По межбиблиотечному абонементу стали заказывать меньше книг, поясняет библиотекарша. Ящик-другой в неделю, не больше – проще их подвезти к главному входу.

Помогая ей разгребать коробки, Чиж замечает под ними что-то еще – большой деревянный шкаф, больше, чем комод у него дома, с десятками выдвижных ящичков.

Он уже много лет стоит без дела, с тех пор как мы перешли на цифровой каталог, говорит библиотекарша, убирая последние коробки. Вынесли его, чтобы место освободить. А потом грянул Кризис. А бюджет нам как урезали, так до сих пор никак не восстановят. Городской администрации этот шкаф не нужен, а нам не на что грузчиков нанять, чтоб вывезли.

Она гладит медные ярлычки на ящиках, выдвигает один.

Ну, давай посмотрим. Книга, которая мне вспомнилась, очень старая.

Чиж глядит и диву дается: ящик набит карточками, на каждой что-то аккуратно написано мелкими буквами. Библиотекарша проворно перебирает их, и Чиж едва успевает различать слова. «Кошки – литература». «Кошки – мифология». Каждая карточка, догадывается Чиж, – книга. Он даже не думал, что их так много.

Библиотекарша радостно ахает, будто разгадала загадку, ребус или нашла по карте, где спрятаны сокровища. И протягивает Чижу одну из карточек.

«Кошки – фольклор – Япония – сказки в обработке. Мальчик, который рисовал кошек».

Внутри у него что-то отзывается, словно камертон, – узнал! Из горла рвется глухой вскрик.

Та самая, говорит он. Кажется – кажется, она.

Библиотекарша смотрит на обратную сторону карточки.

Этого-то я и боялась, вздыхает она.

Ее у вас нет? – спрашивает Чиж, и она в ответ качает головой.

Изъята. Здесь написано, три года назад. Наверное, кто-то пожаловался. Дескать, подогревает проазиатские настроения или что-то в этом духе. Кое у кого из наших спонсоров есть... мнения. Насчет Китая и всего хоть смутно похожего. А нам без их щедрости никуда. А может, кто-то решил перестраховаться и заранее от нее избавился. Здесь, в государственных библиотеках, нельзя рисковать. Какому-нибудь озабоченному гражданину ничего не стоит заявить, что мы ведем себя непатриотично. Сочувствуем потенциальным врагам.

Она со вздохом возвращает карточку на место.

Я хотел найти еще одну книгу, начинает Чиж осторожно. «Пропавшие наши сердца».

Библиотекарша пронзает его острым взглядом. Смотрит на него долго-долго, испытующе.

Прости, отвечает она сухо. Этой книги у нас больше нет, точно нет. И, скорее всего, нет нигде.

Она с шумом задвигает длинный ящичек.

А-а, отвечает Чиж. Он знал, что это почти невозможно, и все равно в нем тлела искорка надежды, а теперь и этот огонек гасят, и он тает в воздухе сизым облачком.

А что с ними сделали? – спрашивает, чуть подумав, Чиж. Со всеми этими книгами?

Встает перед глазами картинка из учебника истории: посреди городской площади жгут горы книг. Библиотекарша, будто прочитав его мысли, косится на него с усмешкой.

Да что ты, у нас книги не жгут. Мы... мы же в Америке! Так?

Она смотрит на Чижа, подняв бровь. Шутит она или говорит серьезно? Трудно сказать.

Книги у нас не жгут. Их у нас перерабатывают. Как цивилизованные люди, да? Измельчают, пускают на туалетную бумагу. Этими книгами кто-то давно уже подтерся.

А-а, вздыхает Чиж. Так вот где теперь мамины книги. Ее стихи перемололи в серую массу, спустили в канализацию вместе с нечистотами. Жгучие слезы застилают ему глаза.

Эй, окликает библиотекарша, что с тобой?

Чиж кивает, шмыгая носом: все в порядке.

Больше она его не расспрашивает, не выпытывает, почему он плачет, а молча протягивает ему бумажный платок.

Сранный ПАКТ, ворчит она под нос, и Чиж потрясен до глубины души: взрослые обычно при нем не ругаются.

Вот что, говорит она чуть погодя. Может быть, где-нибудь в другой библиотеке еще хранится та книга о кошках. В одной из больших библиотек – например, в университетской. Нам нельзя, а им можно, в исследовательских целях. Но даже если она там есть, надо будет на абонементе спросить. Принести документы, объяснить, для чего она тебе.

Чиж кивает.

Удачи, желает она. Надеюсь, ты ее найдешь. И вот что, Чиж, если нужна будет помощь, заходи, постараюсь тебе помочь.

Чиж так растроган, что сначала даже не удивляется, откуда она знает его имя.

Надо спросить у папы, когда он придет с работы, решает Чиж. Пусть поищет ту книгу в библиотеке. Наверняка в университетских фондах есть сборник японских сказок, а в нем – та самая сказка. Там до сих пор хранится много восточной литературы, тысячи книг; то и дело кто-то пишет петиции – мол, все их нужно изъять, не только китайские, японские, камбоджийские и прочие, но даже книги о странах Востока. В новостях Китай называют «серьезнейшей извечной угрозой», политики опасаются, что книги на восточных языках могут содер-

жать антиамериканские призывы и даже зашифрованные послания; иногда родители жалуются, если их дети решают изучать китайский язык или историю Китая: «В университете им должны образование дать, а не мозги промывать!» Каждый раз эти новости попадают в университетскую газету, потом на телевидение; в конгрессе кто-то произносит гневную речь о том, что университеты – «рассадники вредной идеологии»; проректор отвечает публичным заявлением в защиту библиотечного фонда. Чиж все это видит в газетах, когда папа их листает. «Если мы чего-то боимся, тем более стоит это глубоко изучить».

Пусть папа просто проверит. Посмотрит, сохранилась ли книга, и если да, принесет Чижу. На денек. И не придется говорить ни о письме, ни о маме. Ему нужна только книга, только сказка про мальчика и кошек, – ну что тут плохого? Она ведь даже не китайская. Вот придет с работы папа, он и спросит.

Но папы все нет, и нет, и нет. Они живут без телефона: от городских номеров все давно отказались, в общежитиях кабели оборвали много лет назад – делать нечего, придется ждать. Вот на часах уже шесть, семь. На ужин они опоздали, в столовой уже достают отпаренные кастрюли, ссыпают в помойные ведра засохшие объедки, оттирают дочиста столики. Чиж смотрит из окна, как гаснут огни в столовой, один за другим, и страх запускает ему в сердце тонкие щупальца. Где папа? Вдруг что-то случилось? В девятом часу ему вдруг вспоминается сегодняшний поход в библиотеку, надпись «Ничего не найдено» на мониторе школьного компьютера. Как миссис Поллард щелкала ручкой у него за спиной, как библиотекарьша спрятала в карман непонятную бумажку. И полицейский с дубинкой в общественном саду. И Сэди, и ее мама, которая задавала вопросы, вникала в тайны. Всегда кто-то за тобой следит, понимает Чиж, и если кто-то его видел, вдруг папу обвинили, вдруг папу...

Ближе к девяти он слышит, как внизу скрипит дверь, потом захлопывается – лифт уже три дня не работает, – и стучат по коридору шаги. Папа. Чижа так и тянет броситься ему навстречу, как раньше, когда он был совсем маленьким и едва мог обхватить руками папины колени и думал, что папа – самый высокий человек на свете. Но папа так устал, вымотался, взмок после подъема по лестнице, что Чиж не решается, будто тронь папу – и тот не удержится на ногах.

Ну и денек, вздыхает папа. Из ФБР к нам заявились, сразу после обеда.

Чижа бросает в жар, потом в холод.

Наводят справки об одной преподавательнице с юридического. Потребовали список всех книг, что она брала в библиотеке. А когда список принесли, им и сами книги понадобились, все до единой. Шесть с половиной часов искал. Четыреста двадцать две книги.

Чиж шумно втягивает воздух, только сейчас он понял, что все это время не дышал.

А зачем им книги? – спрашивает он осторожно.

Еще неделю назад он не задал бы этот вопрос; неделю назад это его не испугало бы, даже не удивило. Может быть, приходит ему в голову, может быть, удивляться тут и нечему.

Папа ставит на пол сумку, со звоном роняет ключи на столик у двери.

Она пишет книгу о поправке номер один и ПАКТе, в этом и дело, объясняет папа. Подозревают, что ее исследование финансируют китайцы, воду мутят.

Папа не спеша снимает галстук.

Это правда? – спрашивает Чиж.

Папа смотрит на него – никогда еще Чиж не видел его таким измученным. Впервые он замечает седину у папы в волосах, морщинки в уголках глаз, будто дорожки от слез.

Честно? – переспрашивает папа. Скорее всего, нет. Но подозрения у них имеются.

Посмотрев на часы, папа заглядывает в буфет – там шаром покати, только початая банка арахисовой пасты. Хлеба нет.

Сходим куда-нибудь поужинаем, предлагает папа.

Они сбегает вниз по лестнице и идут в пиццерию в нескольких кварталах от студгородка. Папа не любитель пиццы – мол, сплошной жир, нельзя есть столько сыра, – но время позднее, оба проголодались, а пиццерия открыта до девяти, и ближе ничего нет.

Парень за стойкой принимает у них заказ и ставит в микроволновку четыре куса пиццы, а Чиж с папой ждут, прислонившись к липкой стене. В животе у Чижа бурчит. В приоткрытую дверь веет ночной прохладой, на окне трепещут листки с объявлениями. «Найден кот». «Уроки игры на гитаре». «Сдается квартира». В углу, прямо под ярлычком санинспекции, висит табличка с американским флагом и девизом: *Боже, благослови всех преданных американцев!* Точно такая же красуется почти в каждой витрине, продается во всех городах, а деньги направляют на помощь народной дружине. На те немногие заведения, где ее нет, смотрят косо. «Разве вы не преданные американцы? Вам что, на табличку денег жалко? Не хотите поддерживать народную дружину?» Тикает большая стальная микроволновка, пышет паром. За стойкой кассир, опершись локтем о кассовый аппарат, листает ленту в телефоне и ухмыляется.

Без восьми минут девять заходит старик. Азиат, в черных брюках и белой рубашке с воротником на пуговках, волосы с проседью, аккуратная стрижка. Китаец? Филиппинец? Чиж не умеет их различать. Старик кладет на прилавок свернутую пятидолларовую бумажку.

Кусочек пеперони, пожалуйста.

Кассир, даже не обернувшись, отвечает: у нас закрыто.

Закрыто? Что-то не похоже. Старик взглядом указывает на Чижа с папой – папа, шагнул в сторону, заслоняет собой Чижа. Они-то здесь, говорит старик.

У нас закрыто, повторяет кассир громче. И продолжает листать ленту – по экрану текут рекой сообщения, картинки. Папа легонько толкает Чижа в плечо, как на улице, если рядом полицейский или авария. Это значит: отвернись. Не смотри. Но на этот раз Чиж и не думает отворачиваться. Любопытство тут ни при чем, это необходимость. Печальная необходимость знать, что за незримая опасность притаилась рядом.

Мне бы пиццы кусок, вот и все, говорит старик. Я с работы, голодный.

Он придвигает купюру поближе к кассиру. Руки у него в мозолях, пальцы скрюченные, старческие. Наверное, чей-нибудь дедушка, думает Чиж, а за этой мыслью следует другая: если бы у него был дедушка, он был бы похож на этого старика.

Кассир откладывает телефон.

Вы что, по-английски не понимаете? – говорит он ровным голосом, будто о погоде. На Массачусетс-авеню есть китайский ресторан. Хотите есть – идите туда, жареного риса возьмите или спринг-роллов, а у нас закрыто.

Он смотрит на старика ледяным взглядом, скрестив на груди руки по-учительски. И что же теперь делать?

Чиж будто прирос к месту. Ему остается только смотреть во все глаза – на старика, застывшего, стиснув зубы, в воинственной позе, на кассира в футболке с жирными пятнами, на его мясистые лапищи. На папу, который, прищурившись, разглядывает объявления на окне, точно сегодня обычный день и ничего не происходит. Хоть бы старик ответил колкостью, или съездил бы кассиру по ухмыляющейся роже, или, на худой конец, ушел, пока кассир не сказал – или не сделал – чего-нибудь похуже. Пока он не пустил в ход свои ручищи, которыми укрошает тесто, лепит из него что хочет. Время будто натянутая струна.

И старик молча забирает с прилавка деньги, прячет обратно в карман. Отвернувшись от кассира с его ухмылкой, смотрит на Чижа, долго и сурово, потом на папу. И что-то шепчет папе, а слов Чиж не понимает.

Слов этих Чиж не слышал никогда, даже язык ему не знаком, но по лицу папы видно, что он не просто узнал язык, а понял, понял, что сказал старик. Что-то подсказывает Чиж, что речь о нем, недаром старик так смотрел на него, потом на папу, пронизывая взглядом до

самых костей. Но папа не отвечает, даже не шевелится, лишь поспешно отводит глаза. Старик выходит с гордо поднятой головой, и только его и видели.

Звякает таймер, и кассир открывает микроволновку. У Чижа перехватывает горло от дымного жара.

Что за люди! – говорит кассир. Нет, ну в самом деле!

Просунув в огненную пасть микроволновки длинную деревянную лопатку, он достает пищу, кладет в коробку. И, прищурившись, смотрит на Чижа, потом на папу, будто где-то уже их видел. И сует им коробку с пищей.

Всего доброго – и папа, взяв коробку, ведет Чижа к выходу.

Что он сказал? – спрашивает Чиж, когда они уже стоят на тротуаре. Тот старик. Что он сказал?

Пошли же, торопит папа. Идем, Ной. Скорей домой.

На переходе они пропускают патрульную машину с выключенными фарами. В общежитие они заходят ровно в девять, под бой часов с колокольни напротив.

И вот они уже в квартире, а папа все молчит. Оставив на кухонной стойке коробку с пищей, снимает туфли, да так и стоит, глядя в одну точку.

Кантонский, произносит наконец папа. Он говорил по-кантонски.

Но ты его понял! – удивляется Чиж. Ты же не знаешь кантонского!

Даже не успев закончить фразу, Чиж уже сомневается в своих словах.

Нет, не знаю, огрызается папа. И ты не знаешь. Ной, слушай меня очень внимательно. Все, что связано с Китаем, Кореей, Японией и так далее, – от всего этого надо держаться подальше. Услышишь, что кто-то говорит о Востоке или на восточных языках, – сразу уходи, понял?

Он достает из коробки ломтик пиццы для Чижа, потом для себя и плюхается на стул, даже не взяв себе тарелку. Чиж вдруг понимает, что за этот час папа дважды поднялся по лестнице на десятый этаж.

Ешь, говорит папа ласково. А то остынет.

Теперь Чиж понял: не станет папа искать эту книгу, даже если попросить. Нужно самому придумать, как ее добыть.

Попасть в университетскую библиотеку непросто, да и всегда было непросто. Там хранятся старинные книги, очень ценные. Библия Гутенберга, первое фолио Шекспира – папа когда-то рассказывал, хоть Чиж лишь смутно представлял, что это значит. Множество уникальных старинных документов. И даже – папа зловеще пошевелил пальцами, – даже анатомический атлас в переплете из человеческой кожи. Папа тогда только что перешел на новую работу – из преподавателя лингвистики в библиотекари, – а девятилетний Чиж, новоиспеченный циник, не слушал, решив, что папа набивает цену своей работе.

Зато Чиж знает, что для входа в библиотеку – эту мраморную громаду, пригвоздившую к земле угол университетского двора, точно гигантское пресс-папье, – нужна магнитная карта, а в хранилище с запутанным лабиринтом стеллажей пускают только сотрудников. Но когда Чиж был младше, по выходным папа брал его с собой в хранилище, где стояли тележки с книгами, ждавшими, когда их расставят по местам. Если хочешь, помогай, предлагал папа, и раз-другой Чиж помогал – толкал тележку узкими проходами в поисках нужного места, щелкал допотопным выключателем в коридоре, чтобы зажегся свет. Пока папа обводил взглядом полки и водворял на место книгу за книгой, Чиж трогал корешки со стертой позолотой, вдыхая особенный библиотечный дух – запах пыли, кожаной обивки и подтаявшего ванильного мороженого. Теплый запах, словно аромат чьей-то кожи.

Его и убаюкивала и будоражила сумрачная тишина, что окутывала библиотеку, точно ее накрыли шерстяным одеялом, а под ним лежит что-то большое, ждет своего часа. И не было конца-края стопкам, которые нужно разбирать, упорно восстанавливая порядок, и голова шла

кругом от мысли, что за этой полкой – еще сотни полок, тысячи книг, миллионы слов. Бывало, поставит папа на место книгу, выровняет корешки, а Чижа так и подмывает взять и смахнуть все книги с полки – пусть посыплются, словно костяшки домино, нарушив удушливую тишину. Это желание его страшило, и он под разными предлогами старался не ходить в хранилище – дескать, устал, лучше ему посидеть в служебной комнате или остаться дома, поиграть.

В библиотеке Чиж не был уже несколько лет; в прошлый раз он сюда приходил, когда ему было десять.

Вечером, пока папа чистит зубы, Чиж роется у него в портфеле. Привычка у папы – вторая натура, магнитная карточка у него всегда в одном и том же месте, в наружном кармане портфеля. Спрятав карту в задний карман брюк, Чиж застегивает на портфеле молнию. Утром папа никогда не проверяет, на месте ли карта – вот уже три года с утра она там же, куда он ее положил с вечера. Завтра, когда он придет на работу, карты там не окажется, в виде исключения. Но охранник папу знает, запомнил за столько лет и пропустит, тоже в виде исключения. А вечером папа придет с работы, примется всюду искать карточку и найдет под столом, куда всегда ставит портфель. Должно быть, промахнулся мимо кармана, подумает он и успокоится.

Первая часть плана удастся на славу. После школы Чиж идет к университету, взбирается по крутой, словно горный склон, парадной лестнице библиотеки. В вестибюле он напускает на себя деловой, чуть недовольный вид, как у студентов, и проворно вставляет в сканер папину карточку. Вспыхивает на турникете зеленый огонек, и Чиж проходит, не задерживаясь, не оглядываясь, как будто торопится навстречу важным знаниям. Охранник даже головы не поднимает от монитора.

Еще вопрос: как пробраться в хранилище? Раньше, рассказывал папа, туда пускали всех подряд – заходи, броди где хочешь, смотри любые книги. Теперь посторонним туда вход запрещен. Нужно заполнить требование, объяснить, зачем тебе книга, предъявить документы. И если причина достаточно веская – скажем, исследование экономических предпосылок Кризиса или выработка новых стратегий для поиска внутренних врагов, – папа или другой библиотечкарь принесет тебе книгу из хранилища. Папа не объясняет, почему так, но Чиж понимает: из-за ПАКТа. Из-за него многие книги теперь заклеили как опасные, и если такие держать, то вне досягаемости.

Чиж заходит в читальный зал, смотрит на дверь в хранилище напротив. Из-за угла выезжает скрипучая тележка, ее толкает знакомая библиотечкаря, Дебби. Когда-то, в те еще времена, когда он приходил сюда с папой, она угощала его ирисками в золотых обертках. Оказывается, она ничуть не изменилась – все то же длинное свободное платье, седые волосы взбиты немыслимым облаком, – и Чижа она наверняка узнает, хоть он и заметно подрос. Чиж тут же ныряет за одну из кабинок с компьютерами, и Дебби со своей скрипучей тележкой проплывает мимо, оставив за собой табачный шлейф.

Запах напоминает Чижу кое о чем. Дебби заядлая курильщица – стоит ей зайти в комнату для персонала, все принимают, не пожар ли. Вообще-то курить в здании запрещено, полагается отойти на пятнадцать метров, но никто запрет не соблюдает. Дебби и другие курильщики выскакивают на улицу с черного хода, подперев кирпичами обе двери, внутреннюю и наружную, и жмутся к стене, пока не погаснут сигареты, и точно так же украдкой возвращаются. Папа частенько жаловался на запах в коридоре, а заодно читал Чижу лекции о вреде табака. «Видишь, как люди катятся по наклонной? Стоит втянуться, и уже не отвыкнешь».

Как только Дебби с тележкой исчезает из виду, Чиж бежит по лестнице к черному ходу. Таблички на двери нет, но он уверен, что попал куда нужно. Прямо напротив – запасной выход с табличкой «НЕ ОТКРЫВАТЬ!». А главное, под дверью лежит искрошенный красный кирпич. Остается ждать и надеяться на удачу. Чиж прячется за углом – если кто-нибудь появится, он сделает вид, что идет в туалет или из туалета.

Проходит двадцать минут – никого; теперь понятно, почему именно это место облюбовали курильщики: наверху все шмыгают туда-сюда, а здесь, внизу, считай, ни души. И когда Чиж уже подумывает уйти, скрипит тяжелая дверь и стучит о каменный пол кирпич. Спустя секунду открывается вторая дверь, наружная, и в нее врывается уличный шум: свист ветра, птичий щебет, чей-то далекий смех.

Чиж заглядывает за угол. Наружная дверь подперта кирпичом: кто-то вышел покурить, и, как и надеялся Чиж, дверь хранилища тоже приоткрыта. Времени в обрез. Чиж бесшумно крадется по коридору, приоткрывает чуть шире внутреннюю дверь. Она тихонько скрипит, и Чиж смотрит через плечо, не заметил ли его курильщик. Нет, не заметил. Чиж, вдохнув поглубже, проскальзывает в хранилище.

Он не сразу понимает, где он. Все названия книг на полках на чужом языке, Чиж даже не знает, как они читаются: *Znievolony Umyst*². *Pytania Zadawane Sobie*³. Юркнув в ближайший проход, Чиж спешит наверх, подальше от двери. Сейчас вернется курильщик, нельзя попадаться ему на глаза. Тишина в хранилище особенная – настороженная, тревожная, почти хищная, готовая проглотить любой твой шорох. Мимо спешит сотрудница с бумагами в руке и с книгой под мышкой, обводит взглядом полки. Дождавшись, когда она отвернется, Чиж идет дальше. Где-то здесь должна быть электронная справочная – да, вот она, в углу; Чиж подбегает, стучит по клавиатуре. «Мальчик, который рисовал кошек». Спустя время на экране высвечивается номер. Записав его на бумажке, Чиж смотрит на схему возле монитора, водя по ней пальцем: уровень Д, нижний этаж. Минус четвертый, подземный. Юго-западный сектор.

Прежде чем уйти, Чиж, не удержавшись, набирает еще одно заглавие.

«Пропавшие наши сердца».

И снова приходится ждать, на сей раз дольше, и вместо номера вспыхивает сообщение: «ИЗЪЯТА». Чиж, вздохнув, очищает экран и с бумажкой в кулаке устремляется к лестнице.

Лестница ведет не в тот конец здания – не в юго-западный сектор, а в северо-восточный. Зато на уровне Д никого нет, и на том спасибо. Освещены только главные коридоры, да и то еле-еле, в поперечных проходах тьма крошечная. Только сейчас он понял, какая библиотека огромная – размером с целый городской квартал, с километрами полок. Приходят на ум давние папины слова: полки здесь – не просто полки, а несущие конструкции, на них держится здание. Проще всего, решает Чиж, идти краем, ведь если попытаться пересечь зал наискосок, недолго и заблудиться. Он осторожно пробирается вдоль стены в нужную сторону. Путь не такой прямой, как он надеялся. То и дело приходится огибать баррикады из столов и стульев. Сверху, с уровня Г, доносятся шаги. Щелкает обогреватель, и сквозь решетку в полу врывается нагретый воздух, словно фонтан горячего источника.

Чиж проходит мимо полок, тычет пальцем в пустоту на месте изъятых книг. Здесь книги пострадали меньше, чем в публичной библиотеке, там на некоторых полках больше половины места пустует. Но и здесь почти на каждой полке не хватает одной или нескольких книг. Интересно, кто решил, какие книги хранить опасно, кто искал приговоренные книги и, словно палач, вез их на расправу? Неужели папа?

Возле нужной полки Чиж сбавляет шаг, пробегает взглядом номера на корешках аккуратно расставленных книг, от большего к меньшему. А, вот она! Тоненькая, желтая, даже на книгу не тянет – чуть потолще журнала. Чиж ее едва не проглядел.

Поддев книжку пальцем, Чиж достает ее с полки. «Мальчик, который рисовал кошек. Японская народная сказка». Книгу эту он видит впервые, но с одного взгляда на обложку понимает: та самая. Японская сказка, но его мама-китаянка где-то ее услышала или прочла, запом-

² «Порабощенный разум» (польск.), философско-поэтический трактат Чеслава Милоша (1953).

³ «Вопросы, задаваемые себе» (польск.), сборник стихов Виславы Шимборской (1954).

нила и пересказала. На обложке нарисован акварелью мальчик-японец с кистью в руке, он выводит на стене огромную кошку. Пожалуй, он чем-то смахивает на Чижа: чернявый, вихрастый, с темными глазами и носом пуговкой. Мамина сказка, полузабытая, оживает в памяти – будто ее положили в мешок и спрятали подальше, а он достал и распаковал. Мальчик, один, бродит где-то далеко от родных мест. Зброшенный дом в темноте. Из-под кисти мальчика выходят кошки, одна за одной. Трясущимися руками Чиж с трудом открывает книгу; страницы под обложкой мягкие, как шелк. Да, та самая. Он почти у цели, разгадка проступает из мглы, обретает контуры, сейчас он прочтет и вспомнит, вспомнит мамину сказку и чем она кончилась и все поймет.

Тут кто-то кладет руку ему на плечо; Чиж оборачивается – папа.

Мне разрешили самому тебя забрать, вместо охраны.

Как же он не подумал. Конечно, в библиотеке есть камеры и от них не укрылось, что кто-то проник сюда с папиным пропуском вскоре после того, как папа – сама дисциплина – сообщил, что потерял карточку.

Папа, начинает Чиж, я просто хотел...

Папа молча отворачивается, прямой и сердитый, и Чиж следует за ним мимо стеллажей в служебную комнату с бесконечными рядами тележек, а там поджидают два охранника. Пока они не обернулись, Чиж успевает спрятать книгу под футболку и заткнуть за пояс джинсов.

Все хорошо, говорит папа, не дожидаясь вопросов охранников. Это мой сын, так я и знал. Я положил по ошибке карточку к нему в сумку, а он пришел отдать.

Чиж, не дыша, изучает линолеум под ногами. Папа даже не спросил, что он здесь делает, а папино объяснение звучит неубедительно. С чего бы ему искать отца в хранилище, разве можно в этом лабиринте найти человека? Охранники, кажется, почти готовы поверить. Один наклоняется ближе и, щурясь, вглядывается Чижу в лицо. Чиж пытается изобразить невинный вид, а руки сами собой сжимаются в кулаки, ногти впиваются в ладони.

Папа хохочет – громкий, натужный смешок отдается в комнате эхом и замирает. Хотел как лучше, да, Ной? Но вы не беспокойтесь, теперь он все понял.

Он хлопает Чижа по плечу, и охранники нехотя кивают.

В следующий раз, говорит один, подойди к стойке администратора, ладно, малыш? И папу вызовут.

У Чижа ноги подкашиваются от облегчения. Кивнув, он отвечает с запинкой: «Да, сэр». Судя по тому, как папа стиснул ему плечо, именно так он и должен ответить.

Дождавшись, когда уйдут охранники, Чиж достает из-под футболки книжку.

Папа, шепчет он, и голос дрожит. Папа, можно?..

Папа лишь мельком смотрит на книгу, даже на Чижа он почти не смотрит.

Положи на тележку, отвечает он тихо. И ее вернут на место. Пойдем.

Лишь однажды Чиж попал в беду. Обычно он следует папиному совету: не выделяйся. Не поднимай глаз. И если видишь, что где-то что-то неладно, разворачивайся и уходи, понял?

Сэди это выводило из себя. Сэди, едва почуяв неладное, брала след, словно гончая.

Чиж, говорила она, ну что ты трусишь?

В тот раз она не смогла пройти спокойно мимо плакатов, что висели и сейчас висят по всему городу – в витринах магазинов, на досках объявлений, даже на окнах домов, – всех призывают к патриотизму, напоминают, что за соседями нужен глаз да глаз, а обо всем подозрительном надо сообщать куда следует. Всё это работы известных художников, хоть сейчас на выставку. Красно-бело-синяя плотина на широкой желто-бурой реке, в плотине едва заметная трещинка: *Сегодня – трещина, завтра – пропасть*. Блондинка с телефоном возле уха выглядывает из-за занавески: *Предупрежден – вооружен*. Два дома, через белый дощатый забор из

рук в руки передается взятка: *Смотри, чем занят сосед*. И внизу на каждом плакате надпись жирным шрифтом: ПАКТ.

В тот день Сэди буквально на минуту задержалась возле ряда плакатов на автобусной остановке, ковырнула один пальцем. Клей посыпался белыми крошками, словно мел.

Тем же вечером в квартиру к ним явились двое полицейских.

Нам сообщили, начал один, что ваш сын сегодня в составе преступной группы портил плакаты на тему общественной безопасности.

А это Сэди, достав из кармана джинсов маркер, замалевала призывы к бдительности и единению.

Группа, повторил папа. Что еще за группа?

Конечно, продолжал полицейский, мы хотим разобраться в причинах. Что ему внушают дома, раз он позволяет себе столь непатриотичные и, прямо скажем, опасные поступки?

Это все твоя Сэди, да? – спросил папа, на этот раз у Чижа, и Чиж промолчал.

Мистер Гарднер, продолжал полицейский, мы изучили ваше личное дело, и, учитывая биографию вашей жены...

Папа не дал ему договорить.

Она нам теперь чужой человек, отрезал он. У нас с ней нет ничего общего. С тех пор как она ушла, нас больше ничто не связывает.

Папа все равно что ударил маму, прямо здесь, у Чижа на глазах.

И нам совершенно чужды ее радикальные взгляды, продолжал папа. Совершенно чужды.

Он глянул на Чижа, и Чиж вытянулся, будто кол проглотил, и кивнул.

Мы с Ноем понимаем, что ПАКТ защищает нашу страну, продолжал папа. Не верите – посмотрите. В последние два с половиной года я постоянно жертвую деньги группам безопасности и единения. А Ной – круглый отличник. Дурным влиянием у нас в семье и не пахнет.

Ну хорошо, допустим, ответил полицейский, но ваш сын и вправду испортил плакат в поддержку ПАКТа.

Он впился глазами в папу, будто ждал ответа. Чиж заметил, как папин взгляд метнулся к кухонному шкафчику, где у них хранится чековая книжка. Он знал, что в библиотеке платят мало; в конце каждого месяца папа просиживает по часу за столом, скрупулезно подсчитывая расходы. Наверняка он сейчас прикидывает, сколько нужно денег, чтобы откупиться, и им точно не хватит.

Это все та девчонка на него дурно влияет, сказал папа. Та, у которой родители лишены прав. Сэди Гринстайн. Тяжелый случай.

Чижа передернуло.

Ну как же, с ней мы уже знакомы, подтвердил полицейский.

Вот откуда все идет. Знаете ведь, как мальчишки в его годы себя ведут. Девчонки их могут подбить на любую пакость.

Папа тяжело опустил руку Чижу на плечо.

Постараюсь, чтобы такого больше не повторилось. Мы благонадежная семья.

Полицейский замялся, и папа почуял его нерешительность.

Мы очень благодарны вам и всем, кто нас бережет, сказал папа. Ведь если бы не вы, не знаю, что бы с нами было.

Ничего хорошего, кивнул полицейский, это уж как пить дать. Ну что ж, вот и разобрались. Недоразумение, только и всего. А ты, малыш, больше не хулигань, ладно?

После ухода полиции папа сжал виски, будто у него голова разболелась.

Ной, сказал он после долгого-долгого молчания. Чтоб это было в первый и последний раз.

Папа открыл рот, будто что-то хотел добавить, но тут же весь обмяк, словно палатка, у которой завалились колышки. Что именно в последний раз? – гадал Чиж. Портить плакаты? Разговаривать с полицией? Попадать в историю? Наконец папа открыл глаза.

Держись подальше от этой Сэди, сказал он, выходя из комнаты. Прошу тебя.

И на другой день Чиж не сел с Сэди за одну парту, не стал с ней обедать и неделю с ней не разговаривал, а потом она не пришла в школу, и никто не знал, куда она пропала.

Папа, не говоря ни слова, спускается по лестнице, выходит из библиотеки в университетский двор. Чиж молча плетется за ним следом домой, хоть сейчас разгар дня и у папы еще два с лишним часа рабочего времени. Даже глядя папе в спину, Чиж видит, что он не в духе. У папы такая походка, только когда он сердится – угловатая, механическая, точно он проржавел насквозь. Чиж тащится позади и все сильнее отстает – сначала на несколько шагов, потом на полквартиры. Чем дальше, тем больше. Если плестись еще медленнее, может быть, они никогда не дойдут до дома, и не придется иметь дела с папой, и никогда не состоится у них тяжелый разговор.

На подходе к общественному саду папа впереди уже почти на целый квартал, и издали он кажется чужим человеком. Просто какой-то дядька с портфелем, в коричневом плаще, и не скажешь, что они родные люди. В библиотеке Чиж уловил в папином голосе, кроме гнева, кое-что другое, резкое, чему не может подобрать названия, – и вот наконец он понял, что это. Страх. Тот же неприкрытый безумный страх, как тогда, во время разговора с полицией из-за плакатов. Едкий, с привкусом металла, сжимающий, словно когтистая лапа.

Чиж снова устремляет взгляд на три раскидистых дерева – еще недавно они стояли красивые, а теперь там, где сломаны ветки – будто шрамы. Такая рана, рассказывал ему папа, никогда до конца не заживет. Сверху нарастет кора, а под ней останется след, и если дерево спилить, то увидишь темную отметину поперек годовых колец.

Чиж в задумчивости налетает на прохожего. Грузного, сердитого, спешащего.

Эй, смотри, куда прешь, китаеза! – слышит Чиж, и чья-то ручища толкает его, валит на землю.

Все происходит так быстро, что Чиж сначала не понимает, в чем дело. Понимает лишь потом, лежа на сырой траве, задыхаясь, с заляпанными грязью локтями и коленками. Его обидчик удирает, прикрыв ладонью расквашенный нос. На тротуаре алеет большая капля, будто мазнули краской по бетону. А над Чижом склонился папа и смотрит на него, словно с большой высоты.

Ты цел? Чиж кивает, и папа протягивает ему руку со сбитыми костяшками. И Чиж неожиданно видит, какой папа большой, хоть это и не бросается в глаза: тихий, с застенчиво опущенными плечами, он кажется ниже ростом, но в студенческие годы он бегал кросс, он высокий, плечистый, выносливый – успеет добежать до сына, если тот в опасности. У него хватит сил врезать обидчику.

Пойдем домой, говорит папа и помогает Чижу подняться с земли.

До самого общежития они идут молча.

Папа... говорит Чиж в вестибюле.

Потом, коротко отвечает папа, направляясь к лестнице. Сначала поднимемся.

Они заходят в квартиру, папа хлопает дверью, щелкает задвижкой.

Надо быть осторожнее, говорит он, схватив Чиж за плечи, и Чиж вспыхивает: я ничего не сделал. Это он меня толкнул...

Но папа качает головой. Таких, как этот, очень много. Заглянут тебе в лицо – и от одного твоего вида взбесятся. Я не про него, я про этот фортель в библиотеке...

Папа умолкает.

Ты же обычно соблюдаешь правила, продолжает он после паузы.

Подумаешь, книжка.

Если ты попадешь в беду, Ной, виноват буду я. Понимаешь, что ты легко отделался?

Прости, шепчет Чиж, но папа, как видно, не слушает. Чиж готов был к скандалу, к отцовскому гневу, но папа не кричит, а зловеще шепчет, и от этого почему-то еще страшнее.

Меня могли уволить, продолжает папа. В библиотеку кого попало не пускают, сам понимаешь. Только ученых. Следят, кто туда приходит. У университета большая свобода благодаря репутации, но и мы тоже уязвимы. Если кто-то натворит бед и выяснится, что тут замешана книга, которую брали у нас...

Папа качает головой.

А если я вылечу с работы, нас и из квартиры выселят. Понимаешь, да?

Чиж об этом и не подумал; его обдает холодом.

Хуже того: если узнают, что книгу взял ты, и решат заняться нами... тобой...

Папа никогда его не бил, даже не шлепал, но сейчас он смотрит на Чижа так, что Чиж вздрагивает, ожидая удара. Но папа судорожно стискивает Чижа в объятиях – до того неистово, что Чиж не в силахдохнуть. Обнимает его крепко-крепко, а у самого руки дрожат.

Тут Чиж все понимает – перед ним будто дверь открылась. Вот почему папа всегда так осторожен, вот почему он заставляет Чижа ходить одной и той же дорогой, запрещает гулять одному. Вот почему он так быстро прибежал на помощь. Опасно не только изучать Китай или отправляться на поиски японских сказок. Опасно выглядеть как он, Чиж, и всегда было опасно. Опасно быть маминым сыном, сразу по нескольким причинам. Папа всегда об этом помнил, всегда готовился к чему-то подобному, всегда был настороже. Боялся, что однажды кто-то, заглянув Чижу в лицо, увидит в нем врага. Признают в нем маминого сына, по крови и по духу, и заберут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.